

1907 г.

ЕЖЕМЕДЪЛЬНО.

№ 1.

ВЦЕНА

И

ЖИЗНЬ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Содержаніе:

Отъ редакціи.

- «Натурица» рассказъ. *Н. Н. Брешко-Брешковскій.*
 «Романсъ» стихотв. *И. И. Давидовъ.*
 «Лучъ мѣсяца» этюдъ *Колокольцева.*
 «Dolly» стихотв. въ прозѣ *Влад. Омутъ.*
 «Непорочная жена» рассказъ. *Н. Димовъ.*
 «Разбитые боги» стихотв. *Алексѣй Грунинъ.*
 «Три ландыша» этюдъ *М. Смоликова.*
 «Чайка» стихотв. *Н.—Гардъ.*
 Стихотворенія *А. Грунинъ.*
 «О нашемъ театрѣ» *Павелъ Вейнбергъ.*
 «Пріемный день у Мельпомены» обзоръ
 въ стих. *Свенгали.*
 «Нашъ альбомъ» стихотворенія *А. Г.—Е. К.*
 «Наши интервью»: 1) съ З. Ф. Бауреръ
 2) Р. Ф. Нордстремъ. *Евг. К—скій,*

- «Въ театральныхъ кулуарахъ» (діалоги). *Не я.*
 «Воспоминанія артиста за 50 лѣтъ» . . . *А. З. Бураковскій.*
 «Какъ я поступала въ школу Суворина». *В. К.—Корецкая*
 «Мимоходомъ» *Лико.*
 Хроника.
 По Россіи.
 Заграничныя вѣсти.
 «Малая Сцена» подъ редакціей В. А. Забѣлина.
 Письма въ редакцію.
 Объявленія.
Портреты: З. Ф. Бауреръ, К. О. Гвиди, А. З. Бураковского, Н. П. Нирова, М. Н. Разсудова, Доменико Дума, Р. Ф. Нордстремъ, Маріи Кантони.
Заставки Худ—овъ: В. Келина, Шевченко, А. Скиргелло и др.

„СЦЕНА и ЖИЗНЬ“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА: **С.-Петербургъ, Невскій пр. 66.** (противъ Аничковскаго дворца).

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и пятницамъ отъ 11 ч. до 2 ч. дня. Телефонъ редактора 78—25. Контора открыта ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 10 до 5 час. дня.

Рукописи безъ обозначенія гонорара оплачиваются по усмотрѣнію редакціи.

Составъ редакціи: *И. П. Артемьевъ, В. Г. Блохинъ, Н. В. Богровъ, Н. Н. Брешко-Брешковскій, В. В. Брусянинъ, П. П. Вейнбергъ, А. З. Бураковскій, Н. Г. Васильевъ, Е. Гарденинъ, Л. Т. Гаусманъ-Хельде (музык. отд.), И. М. Грабовскій (художникъ), А. А. Грунинъ, Н. П. Димовъ (псевдонимъ), А. П. Денисьевъ (псевдонимъ), С. М. Интролигатинъ, Е. А. Койранскій, М. Н. Кулябко-Корецкій, А. Де-Ла-Гардъ (иностр. отд.), Монаховъ (артистъ), Нелли (псевдонимъ), академикъ А. И. Новоскольева, Владимиръ Омутъ (псевдонимъ), И. О. Порфирьевъ (художникъ), М. И. Разсудовъ (артистъ), Лавръ Пуговишниковъ (Шатовъ), Д. И. Ратгаузъ, Н. М. Руфъ, А. Скиргелло (художникъ), Свенгали (псевдонимъ), А. К. Эберлингъ (художникъ), Н. М. Энефъ (корреспондентъ изъ Лондона) и др.*

Подписная цѣна: на 1 годъ—8 руб., на $\frac{1}{2}$ года 4 руб. и на 3 мѣсяца—2 руб. Цѣна №№ въ розничной продажѣ 20 коп. Въ провинцію отдѣльные №№ высылаются за три семикопѣчныя марки. Для артистовъ, лицъ причастныхъ къ сценѣ и годовыхъ подписчиковъ справки, помѣщеніе адресовъ и объявленія (по предложенію труда) не болѣе 5 стр. въ каждомъ №-рѣ—**бесплатно.**

Пріемъ подписки и объявленій въ отдѣленіяхъ конторы:

Въ Петербургѣ.

1. Московскій книжный магазинъ «Трудъ», Невскій, 60.
2. Книжный и художественный маг. «Народное Благо», Невскій, 50.
3. Театральная площадь, д. № 4. Типографія Ц. Крайза.

Въ Москвѣ.

Центральная экспедиція главной конторы газеты «Русь». Тверская, Казицкій пер., д. Бахрушина.

Въ Одессѣ.

Бернардъ Бродскій. Отель «Викторія».

Въ Кіевѣ.

Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Іогансона.

- 1) Уг. Крещатика и Прорѣзной № 1.
- 2) Крещатикъ, д. № 41.
- 3) Главн. Конт. и Экспед.—Татарск. с. д. №№ 35—37—39.

Въ Харьковѣ.

Театральный агентъ В. Филипъ.
 Южно-русс. книгоизд. Ф. Д. Іогансона. Московская ул. д. 23.

Въ Екатеринославѣ.

Театральный агентъ И. А. Сокольскій.

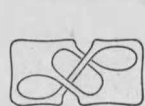
Въ Вильнѣ.

І. П. Лупашко. Артистическая контора. Ботаническая ул., д. Черновскаго.

Для заграницы:

Export-Bureau. J. Feinstein. Berlin. N. W. 52. Thomasius-Strasse.

Розничная продажа во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ, въ кіоскахъ Пташниковъ и у артельныхъ газетчиковъ.

СЦЕНА и ЖИЗНЬ

Еженедельный, театральный и литературно-художественный иллюстрированный журналъ.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1907 Г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Отъ редакціи. „Натурщица“ рассказъ Н. Н. Брешко-Брешковского; „Романсъ“ стихотвор. И. И. Давидова; „Лучъ мѣсяца“ этюдъ Колокольцевой; „Dolly“ стихотв. въ прозѣ Влад. Омута; „Непорочная жена“ рассказъ Н. Димова; „Разбитые боги“ стихотвор. А. Грунина; „Три ландыша“ этюдъ М. Смолиновой; „Чайка“ стихотв. Н. Гарда; Стихотворенія А. Грунина; „О нашемъ театрѣ“ Павла Вейнберга; „Пріемный день у Мельпомены“

обозрѣніе Свенгали; „Нашъ альбомъ“ стихотворенія А. Г. и Е. К.; „Наши интервью“ Евгенія К—снаго; „Въ театральныхъ кулуарахъ.“ Не я; „Воспоминанія артиста за 50 лѣтъ“ А. З. Бураковского; „Какъ я поступала въ школу Суворина“ В. К. Юрецкой; „Мимоходомъ“. Лино; Хроника; По Россіи; Заграничныя вѣсти; Малая Сцена. Объявленія.

Отъ Редакціи.

Приступая къ изданію театрального литературно-художественнаго журнала считаемъ долгомъ выяснитъ предъ читателемъ программу и цѣль нашего изданія.

Каждый отдѣльный номеръ будетъ состоятъ изъ трехъ совершенно самостоятельныхъ отдѣловъ: литературно-художественнаго, театрального и отдѣла «Малая Сцена».

Желая дать читателю легкій матеріалъ для чтенія въ формѣ небольшихъ рассказовъ, повѣстей, стихотвореній, этюдовъ, воспоминаній и т. п. мы заручились сотрудничествомъ лучшихъ литературныхъ силъ, обѣщавшихъ намъ свое полное содѣйствіе. Всѣ «злобы дня» найдутъ свой откликъ на страницахъ нашего журнала.

Давая, по возможности, легкій матеріалъ для чтенія, мы поставили себѣ задачей не слишкомъ утомлять вниманіе читателя и безъ того уже утомленнаго чтеніемъ ежедневной прессы и такъ называемыхъ «толстыхъ журналовъ».

Спѣшимъ оговориться. Подъ словомъ «легкій» мы отнюдь не думаемъ давать читателю

того, что въ общепринято называть «аскархановской литературой». Наоборотъ, мы поставили себѣ цѣлью избѣгать всего, что такъ или иначе могло бы оскорбить нравственное чувство читателя.

Второй отдѣлъ—театральный—составляется подъ руководствомъ опытныхъ знатоковъ театра.

Отчеты о театральныя новинкахъ, рецензіи, новости театральной жизни, жизнь артистовъ, «театральные кулуары»—все это будетъ служить темой для разнообразнѣйшихъ статей и замѣтокъ въ прозѣ и стихахъ.

Придерживаясь идеи націонализаціи театра мы всегда будемъ привѣтствовать появленіе на нашей сценѣ своего, русскаго, самобытнаго. Въ видѣ отдѣльныхъ приложений время отъ времени на страницахъ нашего журнала будутъ появляться оригинальныя пьесы молодыхъ авторовъ.

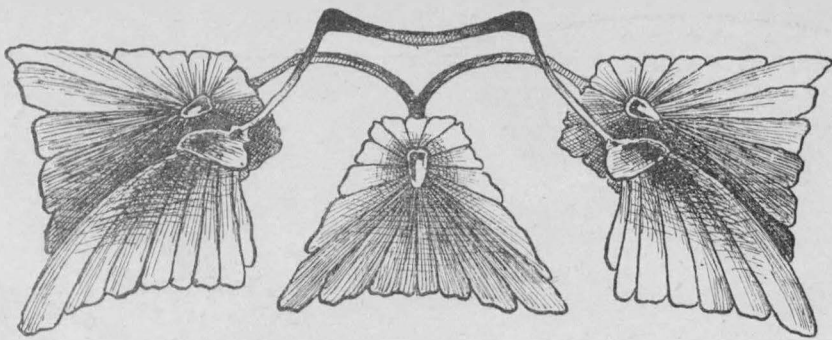
Наконецъ, третій отдѣлъ—«Малая Сцена» посвящена нами тѣмъ незамѣтнымъ артистамъ, которые, почему то считаются «паріями» сцены. Это—труженики цирковъ, кафеконцертовъ и т. п. увеселительныхъ заведеній.

Незавидное положеніе этихъ труженниковъ должно быть въ концѣ концовъ урегулировано. Положеніе рабовъ въ цѣпкихъ рукахъ всевоз-

можныхъ импресарио должно быть облегчено возможностью найти отзвукъ о своихъ нуждахъ на столбцахъ журнала. Мы даемъ имъ полный просторъ для того, чтобы письмами въ редакцію, статьями и замѣтками они могли такъ или иначе бороться съ произволомъ своихъ аптрепнёровъ. Поставивъ себѣ такую широкую задачу мы не надѣемся на свои скромныя силы: безъ сочувствія и содѣйствія общества мы ничего не сможемъ сдѣлать. Но у насъ есть основанія ожидать что общество поможетъ намъ выполнить нашу задачу.

Съ этой надеждой мы бодро выступаемъ въ свѣтъ.

Натурщица.

(Рассказ художника).

...Васъ удивляетъ, что художникъ и можетъ и долженъ иногда быть жестокимъ?

Вѣрите мнѣ, излишняя чувствительность мѣшаетъ правильно воспринимать впечатлѣнія... Мы должны спокойно, объективно, съ яснымъ, незатуманеннымъ пичѣмъ постороннимъ сознаніемъ наблюдать смерть, человѣческія муки и даже пытки...

Вы возмущаетесь? Да, да, это такъ! Чѣмъ сильнѣе страданія, тѣмъ пышнѣй вырастаютъ изъ этой, смоченной слезами и кровью почвы, произведенія искусства. Но помню, гдѣ я слышалъ интересную легенду.

Въ античномъ Римѣ жилъ богатый патрицій-художникъ. Каждый день онъ приковывалъ своего раба къ стѣнѣ и жегъ его каленымъ желѣзомъ. Несчастный дико стоналъ... Эти ужасные стоны слышались на улицѣ.

Плебеи возроптали, окружили тысячной толпой домъ художника и требовали освобожденія истязуемаго раба. вмѣсто всякаго отвѣта патрицій вынесъ и показалъ великолѣпный этюдъ прикованнаго къ скалѣ Прометея...

Народъ встрѣтилъ эту картину восторженными рукоплесканиями.

Конечно, въ наше время немислимо что-либо подобное. Во-первыхъ, этого, какъ вы говорите, изверга, сослали бы въ каторгу, а во-вторыхъ, у древняго художника были крѣпче нервы. То было время титановъ.

Угодно вамъ мой личный примѣръ? Извольте.

И вы, и многіе называютъ моею лучшей картиной: «Центавра и нимфу». Хотите знать при какихъ условіяхъ я писалъ ее и почему она вышла удачной? Хотите? Я вамъ разскажу...

I.

Я возвратился изъ заграницы подѣ обаяніемъ Беклина. Его картины, у которыхъ и въ Мюнхенѣ и въ Дрезденѣ я простаивалъ цѣлыми часами, ввели меня въ эту боклиновскую мистическую природу, которая живетъ своей таинственной жизнью, населенная сатирами, дриадами и центаврами...

Пріѣхалъ въ Петербургъ и снялъ на Васильевскомъ островѣ мастерскую. Въ большое окно я видѣлъ дымящіяся трубы фабрикъ и крыши домовъ. Пейзажъ—мало располагающій къ мистическимъ грезамъ, но вліяніе Беклина въ моей душѣ было неискоренимо...

Я почти вѣрилъ, что когда-то, на зарѣ чело-вѣчества, существовали центавры, эти сильные,

красивые, злые полулюди-полукони... И вотъ у меня зародился сюжетъ картины.

Опушка густого лѣса... Быстроногіи центавръ охотится за нимфами. Спугнутыя его появленіемъ, онѣ убѣгаютъ къ чащу и только одну ему удалось настигнуть. Онъ крѣпко схватилъ ее за руки и горящими чувственными глазами влился въ ее прекрасное, обнаженное тѣло. Она испугана, рвется, но богатырскій, сильный торсъ центавра пробудилъ въ ней первую стразъ и это побѣждаетъ въ ней стыдъ и страхъ. Борьба отражается на ея лицѣ... Это сложная колеблющаяся экспрессія интересовала меня больше всего...

Прекрасно!.. Въ этотъ же день я напечаталъ въ газетѣ объявленіе, что приглашаю хорошо сложеннаго крѣпкаго натурщика и молодую натурщицу съ красивымъ тѣломъ. Сажу и жду. Волнуюсь страшно. Для насъ хорошая натурщица—это все, это залогъ успѣха.

Но ждать пришлось недолго.

II.

Утромъ,—одинъ звонокъ за другимъ. Съ натурщикомъ повезло сразу. На первомъ же и остановился. Это былъ плечистый, рослый бородатый мужчина лѣтъ тридцати пяти. Штаньки коротенькія, видимо нуждается, но, судя по его рѣчи,—изъ интеллигентныхъ. Когда онъ наполовину раздѣлся,—мнѣ нуженъ былъ его торсъ,—я такъ и ахнулъ! Отродясь такой лѣпки не видывалъ. Гѣркунесъ Фарнезскій да и только! Грудь, мускулатура—одинъ восторгъ! Хоть анатомію на немъ изучай...

Когда онъ узналъ, что получить полтинникъ за часъ,—обрадовался!

Пригласилъ его на слѣдующій день къ десяти утра, а самъ безпокоюсь,—что, если не найду соотвѣтствующей женской модели? Женщинъ перебывало много, да все неподходящія. Одна—кости да кожа, другая—наоборотъ страдаетъ излишнимъ развитіемъ формъ. Но всѣ считаютъ себя Венерами.

Наконецъ, подѣ вечеръ,—уже стало смеркаться,—нерѣшительный звонокъ.

Молодая дѣвушка, блондинка. Лицо довольно правильное. Жакетъ потертый, старенькій.

— Вы ищете натурщицу? Такъ вотъ... не могу-ли я?

Робкая, стѣсняется.

— Но мнѣ нужно для фигуры; для тѣла.

— Что-жъ, я согласна... хлѣбъ нуженъ. Мама у меня больная...

Разговорились. Четыре класса гимназіи кончила...

И возможно деликатнѣй намекнулъ, что хочу познакомиться съ ея фигурой. Вспыхнула, ушла за ширму и стала медленно раздѣваться.

Зажегъ лампу съ рефлекторомъ... Ужъ наметался, кажется, глазъ, а вотъ не угадалъ, что подѣ плохо сшитымъ жакетикомъ скрываются такія формы... Правильность, чистота линій—удивительная! И тонъ—ровный, молочный, теплый, чуть розоватый...

III.

Утромъ оба явились во время. Хотя у художниковъ и не принято, чтобы женскія и мужскія модели позировали вмѣстѣ, но я считаю это вздоромъ. Во-первыхъ, для моей картины гораздо удобнѣе было сдѣлать первоначальный рисунокъ именно при этомъ условіи, во-вторыхъ,—это такъ важно, чтобы колористическое «отношеніе» нѣжнаго женскаго тѣла и мужскаго бронзоваго—всегда было передъ глазами. А въ третьихъ, лицо нимфы сдѣлается гораздо экспрессивнѣй, если, вмѣсто пустого пространства, она будетъ созерцать молодца-натурщика...

Принесли мнѣ изъ дворницкой высокія козлы. Я накрылъ ихъ мягкимъ одѣяломъ и посадилъ верхомъ обнаженнаго до пояса натурщика, и получилось нѣкое подобіе центавра. Лошадь я рѣшилъ приписать потомъ...

Дѣвушку,—Марьей Михайловной ее звали,—едва уговорилъ раздѣться. Ни за что не хотѣла при немъ. Вышла изъ за ширмы, глаза опущены, даже тѣло отъ стыда порозовѣло. Съ непривычки дрожить вся, хоть въ мастерской и тепло... А лохматый богатырь сидитъ на козлахъ и въ самомъ дѣлѣ воображаетъ себя центавромъ, увидѣлъ Марью Михайловну, мало что не ржеть... И казался онъ въ этотъ моментъ тѣмъ самымъ великолѣпнымъ, сильнымъ полувѣремъ, который именно мнѣ былъ нуженъ...

Скомпановалъ я изъ нихъ группу и началъ прорисовывать.

Одинъ сеансъ, другой, третій. Отъ центавра—я въ восторгъ! Перенести его на холстъ, какъ онъ есть—и конецъ! Но нимфа... нимфа приводитъ меня въ отчаяніе... Трудная экспрессія испуга, переплетеннаго съ пробуждающейся чувственностью,—не давалась мнѣ. Стыдъ и смущеніе—только это и видѣлъ я въ ея лицѣ съ потупленными глазами.

Что тутъ дѣлать?

IV.

Уходили они почти одновременно. Но однажды Марья Михайловна замѣшкалась.

Вотъ и говорю ей:

— Нѣтъ, какъ онъ сложенъ—нашъ богатырь!.. И что за красавецъ! А? Вы находите? Ничего не отвѣтила.

А времячко бѣжитъ... Уже выставка не за горами. Къ своей великой радости сталъ я замѣчать, что Марья Михайловна начинаетъ исправляться... Что было причиной—мои ли просьбы позировать съ большою живостью, или дѣйствительно въ ней стала пробуждаться женщина—не знаю, но только она—совсѣмъ уже другая. Глаза смотрятъ не въ полъ, а на цен-

тавра, и какой-то огонек искрится въ нихъ... Губы полуоткрыты.

Ну, прекрасно. Работа идетъ у меня—какъ по рельсамъ. Головка Марьи Михайловны удалась очень недурно, что въ сущности и было главное. Благодарилъ я ее несказанно...

Картина кончена. Лохматый центавръ мой надѣлъ въ послѣдній разъ свое черезчуръ легонькое для петербургской зимы пальто, нимфа—старый жакетъ,—и оба исчезли съ моего горизонта. Неизвѣстно, откуда явились, временно жили со мною одною жизнью и неизвѣстно, куда исчезли...

У.

Картина имѣла успѣхъ, писали о ней. Купилъ ее съ выставки московскій любитель изъ купечества. Развелось ихъ теперь... Барановъ. Слышали, вѣрно?

Прошло съ полгода. Уже лѣто. Солпечное утро... Погода чудесная,—отправился я на Петербургскую навѣстить своего стараго профессора. Иду по Лахтинской—онъ тамъ жилъ... Такая глухая патріархальная улица. Гляжу,—плетется мнѣ навстрѣчу женщина. Лицо и молодое, а вмѣстѣ съ тѣмъ старое. Желтизна, морщинки. И Боже мой! Что за фигура!..

Что-то знакомое... Господи, да неужели? И она меня узнала,—мнѣ показалось, что она хотѣла въ подворотню юркнуть.

— Марья Михайловна, стойте, подождите!—за руку ее даже схватилъ. Бѣдняжка вся была какая-то загнанная, затравленная. Глаза полны слезъ и глядятъ они какъ-то скорбно, безнадежно.

Смотрю на ся уродливую фигуру и спрашиваю—потомъ только сообразилъ всю неумѣстность этого слова:

— Центавръ?

Молчитъ, потупила голову, на копчикъ платка уставилась,—она была въ платочкѣ.

— Гдѣ онъ теперь?

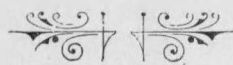
— Не знаю...

Я далъ ей десять рублей и записалъ адресъ. День былъ испорченъ. Я чувствовалъ себя виноватымъ въ судьбѣ этой несчастной, которая за успѣхъ моей картины заплатила страданіемъ.

Вы спросите, что было дальше?

Нѣкоторое время я посылалъ ей деньги, а потомъ... потомъ забылъ.

Ник. Брешко-Брешковскій.

Лучъ мѣсяца.

Этюдъ.

Славскій былъ пріятно удивленъ, встрѣтивъ въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ онъ жилъ, ту маленькую дамочку, которой его представили накануне. Онъ окинулъ ее быстрымъ взглядомъ: маленькая, миниатюрная, съ матовымъ цвѣтомъ лица—она ему понравилась, какъ и вчера.

„Типъ креолки!“

Мысленно опредѣлилъ онъ ее. Послѣ нѣсколькихъ фразъ онъ раскланялся и ушелъ.

Онъ зналъ изъ ея разказа, что она пріѣхала ненадолго въ Петербургъ и даже не старался поближе познакомиться—не стоило. Но когда она однажды сказала, что хочетъ поѣхать въ Итальянскую оперу, Славскій предложилъ взять билеты. Она согласилась сейчасъ же ввиду того, что онъ всегда держалъ себя съ ней сдержанно и корректно.

Когда онъ пришелъ за ней, чтобы ѣхать въ театръ, и увидѣлъ ее разодѣтую какъ куколку въ розовое платье, у него сердце забилося немного быстрѣе. Она такъ себя держала, что онъ даже не рѣшился ее обнять за талію, когда они ѣхали обратно. Полная луна сіяла на небѣ. Она говорила, что ужасно любить лунный свѣтъ, что сидитъ часами въ креслѣ, когда лучъ мѣсяца падаетъ въ ея комнату.

Вернувшись, онъ проводилъ ее до дверей, пошелъ къ себѣ, заварилъ чай на спиртовкѣ и сталъ пить; потомъ онъ вдругъ вспомнилъ, что въ домѣ всѣ спятъ и что она не достанетъ чаю. Онъ постучалъ къ ней и спросилъ, не надо-ли ей его спиртовки? Дверь отворилась, она появилась на порогѣ въ розовомъ капотѣ, который ей былъ къ лицу, и поблагодарила, сказавъ, что ей ничего не нужно. Онъ пожалъ ей руку и пошелъ было къ себѣ.

„Алексѣй Александровичъ, — окликнула она его:—посмотрите, какой чудный лучъ мѣсяца у меня въ комнатѣ!“

Онъ вошелъ, посмотрѣлъ на небо... на нее...

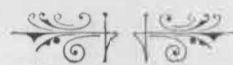
Горячая волна хлынула на него. Онъ сдвинулъ ее въ своихъ объятіяхъ...

Она, маленькая, слабая, даже не могла пошевелиться.

Уходя отъ нея утромъ, онъ подумалъ.. «А вѣдь не хорошо! Впрочемъ, чѣмъ ужъ я такъ виноватъ? Не позови она меня взглянуть на лучъ мѣсяца—ничего-бы не случилось!»

Потягиваясь на кровати, она думала: „Боже, неужели я пала? Что я сдѣлала? Но развѣ я виновата? Я только обратила его вниманіе на лунный свѣтъ. Если-бы лучъ мѣсяца не упалъ ко мнѣ въ комнату ничего-бы не было!“

А. Колокольцева.

РОМАНСЪ.

Горделивая роза—былого привѣтъ
Межъ страницъ въ старой книгѣ суши
лась;
И въ волненіяхъ долгихъ томительныхъ
лѣтъ

Заглянуть мнѣ въ нее не случилось.
Но однажды ее, среди мелочей дня,
Я раскрылъ—и вернулись грезы!
И повѣяло снова съ листовъ на меня
Ароматомъ увянувшей розы.
Молодая любовь—прозѣ жизни укоръ,—
Ты таилась въ душѣ удрученной;
И въ нее не заглядывалъ съ давнихъ
я поръ,

Подъ напѣвъ суеты монотонной.
Но мнѣ вспомнилось какъ то, въ вечер-
ней тиши,

Все, что было тогда пережито...
И пахнуло со дна очерствѣлой души
Ароматомъ любви позабытой!

И. Давидовъ.

Dolly.

(Стихотвореніе въ прозѣ).

Первная, съ живымъ лицомъ и говорящими глазами, Долли любила жизнь...

Фужеръ мятущагося «Мумма» дѣлалъ ее вакханкой...

Страсть, какъ токъ бѣжала по ней, и, окружавшимъ ее, хотѣлось жить... жить для того, чтобы сказать:

«Долли моя»...

Высоко поднимъ бокалъ, гдѣ шалили иглочки, любила она говорить:

— Я люблю тебя жизнь—триумфъ наглыхъ, сытыхъ!..

— Я люблю огни драгоцѣнныхъ камней! Ихъ блескъ жжетъ и раздражаетъ меня, какъ душная ночь...

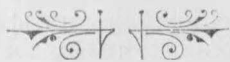
— Я люблю цвѣты... Красивые—они несутъ сладострастіе... Цѣлуйте ихъ... ласкайте...

Когда Вакхъ подкрадывался къ ней, тогда дрожало ей сонрано и она бросала страстный вызовъ...

— „Я возьму тебя, возьму, когда мой капризъ пожелаетъ тебя—мужчина!“

Вотъ слова Dolly, жрицы Вакха и Венеры.

Владиміръ Омутъ.

Непорочная жена.

Разсказъ.

I.

Сидоръ Карпычъ опрокидывалъ уже десятый стаканчикъ чаю.

Чаепитничалъ онъ одинъ. Жена поѣхала навѣстить родныхъ въ провинцію. Дѣти улеглись спать.

Тишина располагала къ размышленіямъ.

Сегодняшнимъ днемъ Сидоръ Карпычъ остался доволенъ. Магазины торговалъ на славу. Выручка прекрасная. Доходъ изрядный...

— Ежели такъ кажинный день будетъ, безпримѣнно торговлю расширять пужно... Молодцовъ новыхъ взять... Другую лошадку прикупить... Ребятъ въ гимназію послать... Губернантку взять...

Мысли внезапно перешли къ женѣ:

— А Меланія-то Поликарповна, небось, въ Угличѣ у своихъ... По косточкамъ перебираетъ... Бабье дѣло извѣстное: брехать и все такое... Эхъ, бабы, бабы... Все нутро мнѣ перевернули... Никакъ не угодишь имъ... Ни тебѣ—посмотри на чужую бабу... Ни тебѣ—языкомъ побрехать съ чужою... А што касаемо всего прочаго, го ужъ ни—ни!... Скандалу не оберешься... Грѣхи да и только!..

Вдругъ въ дверяхъ послышался стукъ...

— Молитвами Христа единого нашего, на земли со людьми обитающаго! — послышался протяжный женскій голосъ.

Сидора Карпыча всего передернуло: „Не можетъ быть? Аль и вправду дѣва-іоаннитка... Сладкая дѣва“...

— Аминь!—сказалъ онъ вслухъ и приподнялся со стула.

Въ комнату вошла молодая, очень красивая дѣвушка въ монашескомъ одѣяніи, низко поклонилась образамъ и начала творить молитву... Она никого и ничего не замѣчала. На Сидора Карпыча не обращала никакого вниманія...

Дѣвушка была въ какомъ то экстазѣ. Вдругъ она сорвала съ головы черный платочекъ и простерла руки впередъ. Отъ этого движенія роскошные волосы ея распустились и ниспали почти до коленъ.

Сидоръ Карпычъ не зналъ, что съ ними дѣлается...

„Не сонъ ли это?... Не грежу-ли я?... Нѣтъ, это она.. О, красота!.. Въ жисти своей ничаво такова не видывалъ... Не навожденіе - ли діавольское?... Творить крестное знамя... Нѣтъ, душа христіанская!“...

— У взморія Сушій... Гряди же, Боже... Вселися въ ны... Очисти, освяти... Сподоби быти во едино съ Тобою...

Глаза дѣвушки горѣли.

О, у взморія сушій!... Прорви плотину... Сними пелену съ очей раба грѣховнаго, здѣ предстояща... О, услышь молитву мою, молитву жены непорочной... Просвѣти умъ его... Сподоби единитися съ сонмомъ святыхъ... О, сладчайшій!... Въ пучинѣ житейской моря мірскаго образъ Твой, Всесвятый нашъ, людие осквернили... О, Всемиловитый, милостивъ буди!... Буди! Буди... Буди.

Іоаннитка упала ницъ...

Сидоръ Карпычъ подчинился какому-то, непонятному для него, внутреннему движенію и опустился на колѣни рядомъ съ дѣвушкой. Уста его все время повторяли: О, у взморія Сушій! Сушій...

— О, у взморія Сушій! О, у взморія Сушій!..

Дѣвушка вскочила на ноги и положила свои горячія руки на голову Сидора Карпыча.

— Кайся, рабе Божій!

— Каюсъ! неожиданно для себя самого произнесъ Сидоръ Карпычъ...

— Твори молитву.

— О, Сладчайшій!

— Рцы: О, у взморія Сушій...

— У взморія Сушій!—безпрекословно повторилъ Сидоръ Карпычъ.

— Зри, человѣче!—неистово закричала дѣвушка...

— О, Господи!—воскликнулъ Сидоръ Карпычъ...

— Зри, человѣче!

— О, у взморія Сушій!

Лицо дѣвушки просіяло.

— Нашъ! Нашъ! Нашъ!—восторженно произнесла она и принялась цѣловать Сидора Карпыча сначала въ голову, потомъ въ глаза и наконецъ запечатлѣла горячій поцѣлуй на его устахъ.

— О, дѣва чистая!—поскликнулъ Сидоръ Карпычъ. — Грѣшенъ азъ человѣкъ... Діаволъ вселился въ меня... Цѣлованіе твое, святая сестра, похоть творить діавольскую во сердцѣ моемъ.

— Не кручинься, братъ!.. Жена непорочна не для похотей грѣховныхъ сотворена... Лобзаніе мироносицы святой, яко купина не сгораемая, очищаетъ тебя... Прими же, человѣче, еще и еще лобзаніе святое.

II.

И іоаннитка буквально осыпала „раба Божія“ совѣмъ не святыми поцѣлуями...

— О, не могу! завопилъ Сидоръ Карпычъ...

— Отречись отъ отца и матери своей!—въ экстазѣ закричала іоаннитка.

— Отрекаюсь!—вопить Сидоръ Карпычъ...

— Отъ жены и родни своей!

— Отрекаюсь...

— Отъ дѣтей и знакомыхъ...

— Отрекаюсь! Только будь моей!

Сидоръ Карпычъ заключаетъ дѣвушку въ свои объятія и покрываетъ ее страстными поцѣлуями.

Іоаннитка едва вырвалась изъ рукъ „раба Божія“.

— Еще еще разъ плоть заговорить въ тебѣ... такъ ты и видѣлъ меня! — строго прикрикнула она на Сидора Карпыча,

— О прости мя, дѣва непорочна!... но человѣкъ же я, а не дерево...

— Великій грѣхъ содѣлалъ еси, брате.

Сладчайшій не требуетъ отъ насъ горестей... Сладчайшій посылаетъ намъ сладости и радости... Но грѣшный человѣкъ не можетъ и помышлять о нашихъ сластяхъ, во общеніи съ женами непорочными... А женъ сихъ у насъ—точно звѣздъ на поднебесы... И сіяютъ онѣ красотой неземною... Глаза горятъ, что изумруды... Груды атласныя... Шеи лебединыя... А сами онѣ, что царицы заморскія... Какъ засмѣются, зубки бѣлые покажутъ, все нутро у тебя радостію взиграется...

— Да што мнѣ, отъ тѣхъ всѣхъ женъ непорочныхъ! Для меня-бы хоть-бы одну тебя, красавицу мою!..

— Еще Сладчайшій, иже у взморія Сушій, сподобитъ, — можетъ, придется на твою долю общеніе и со мною, женою непорочною. Но ты должонъ сперва быти во сонмѣ святыхъ, пріяти чинъ архангеловъ, аль апостоловъ... Непорочныя даются въ удѣлъ токмо святымъ... Прими святость сперва... Остави вся и гряди за мною!..

— Ношъ прииде, дѣва...

— Се женихъ грядетъ въ полунощи... Все свѣтии со свѣтильниками ждуть твоего прихода, брате мой желанный... Остави вся, глаголю тебѣ... Гряди за твоею, Сладчайшимъ тебѣ ниспосланною, отроковицею...

— Бѣгу! Бѣгу!... Голубица ты моя неаглядная... Токмо дозволю запечатлѣти святое лобзаніе на твоихъ алыхъ устахъ...

— Лобзай же, брате, поскорѣе... Время настало... Сонмъ святыхъ ждетъ насъ!

«Ахъ, ты—краса моя!» пронеслось въ умѣ Сидора Карпыча.

И онъ сталъ безъ числа запечатлѣвать на устахъ «непорочной» дѣвы да леко не святыя поцѣлуи.

Снова іоанниткѣ пришлось употребить не мало усилий, чтобы освободиться изъ «братскихъ» объятій Сидора Карпыча...

— Сладчайшій призываетъ насъ! Не медли, брате... Помни: ты отрекся отъ дому своего, отъ всѣхъ близкихъ и родныхъ... Ты теперь Божій... У тебя нѣтъ семьи, ни жены, ни дѣтей... Весь трудъ твой пойдетъ, на всѣхъ святыхъ женъ и мужей... Еще богатство у тебя кое есть, оно уже не твое, а Божіе... Не утай отъ мене ничего! — вдругъ повелительнымъ тономъ произнесла дѣвушка.—Есть ли у тебя деньги?

— Есть, дѣва! — смиренно отвѣтилъ Сидоръ Карпычъ.
— А сколько?
— Тыщъ десять.
— Гдѣ деньги?
— Въ другой комнатѣ.
— Захвати съ собой, брате мой! — ласково заговорила дѣвушка. — И грядемъ...

III.

Едва Сидоръ Карпычъ очутился въ сосѣдней комнатѣ, какъ сталъ созерцать новое чудо...

Комната была почему-то полна людьми. Среди нихъ онъ разглядѣлъ всѣхъ дворниковъ своего дома... Потомъ ему бросились въ глаза два какихъ-то незнакомаго лица съ темными очками на глазахъ и околотошный...

За первой неожиданностью послѣдовала и другая.

— Охъ, моченьки моей нѣту! — закричала Меланія Поликарповна. — Не могу сдержаться!... Дай-ка я тебѣ, окаянному, въ волосы вцѣплюсь... Ахъ, ты старый грубодушникъ!... Съ дѣвами... непорочными вздумалъ связываться...

— Успокойтесь, сударыня! — стали удерживать ее незнакомцы...

— Хорошо вамъ говорить: успокойтесь!... А мнѣ-то каково... Эта непорочница давно уже стала захаживать въ магазинъ, о Сладчайшемъ заговаривала, а въ карманъ Сидоровъ поглядывала... Да и глазенаны ему таки запускала... не непорочные, а прямо съ прищепку!... Спасибо молодцамъ нашимъ: всѣ куры-муры повыдали мнѣ!

— Это вы уже говорили намъ! — пытались остановить незнакомцы Меланью Поликарповну.

Но безуспѣшно.

— Вамъ-то говаривала, да ему нѣтъ... Пусть знаетъ, потаскунъ такой... А какъ пошли у нихъ, у дѣвки-то да и у самого, разговоры о путешествіи ко святымъ да и о жертвахъ на сонмъ святыхъ... Думаю я: дѣло не ладно... Глаза ему выколотъ, аль что?!. Не поможетъ... надумала я другое... Пошла я къ нему... Опусти—говорю — на недѣлку родныхъ навѣстить... Онъ, дуракъ-то мой, и гритъ: Поѣзжай, Меланюшка! И денегъ надавалъ сотни три... Обрадовался! Ызжай—дескать поскорѣй... Ахъ, ты пакость така-ска!... А поѣхала я къ сосѣдкѣ да и жду донесеніевъ отъ куфарки Авицыи.

— Простите меня, бабу глупую, Сидоръ Карпычъ! — заголосила Анисія и повалилась ему въ ноги. — Любя вась, обо всемъ сегодня донесла Меланѣ Поликарповнѣ... А то не одобровать бы вамъ отъ еретички... Сколько уже народу испакостили проклятыя іоаннитки...

— Ахъ ты, старый дуракъ! — снова набросилась Меланія Поликарповна на своего супруга. — Все, что скопишь, хотѣлъ украсть и дѣвкѣ отдать... Сколько народу объегорилъ! Не одну душу христіанскую по-міру пустилъ. — А теперь всѣ эти денежки врагамъ Церкви отдать?!... Собака ты—вотъ что! Опеку наложу на тебя, безпутнаго... Уйди съ моихъ глазъ, постылый!

Меланія Поликарповна въ изнеможеніи опустилась на стулъ и залилась горькими слезами.

— Ну, а теперь пойдемъ! предложилъ околотошный Сидору Карпычу. — А непорочная жена здѣсь? — обратился онъ къ дворникамъ.

— Матвѣй стережетъ ее... Хотѣла за окошко выброситься... За волосы удержали...

— Тащите и святую дѣву... А тамъ все разберутъ!

Сидоръ Карпычъ долго не могъ придти въ себя:

«И что это за навожденіе такое? — размышлялъ онъ по пути въ участокъ. — И Меланья Поликарповна тутъ, и дворники, и околотошный... А гдѣ же дѣва... іоаннитка?... И она тутъ... Куда же мы идемъ?»

Онъ сталъ протирать глаза.

«Не пилъ сегодня... До казенки не дотрагивался... Пива въ ротъ не бралъ... А дѣва-то дѣва?!... Жены непорочны... Изумруды... Груды бѣлыя... Шеи лебединыя»...

— Да пустите вы меня, наконецъ! — неистовымъ голосомъ закричалъ Сидоръ Карпычъ. — Знаю я, куда вы меня ведете... Что я: воръ?!

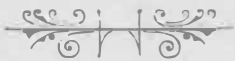
— Тамъ разберутъ, — не утерпѣла шедшая позади его Меланья Поликарповна. — И, краля твоя непорочница тутъ!...

Меланья Поликарповна залилась добрымъ смѣхомъ.

Дѣвушка бросала испуганные взгляды по сторонамъ.

Шествіе продолжалось.

Н. Димовъ.

Разбитые боги.

Качается плавно волна фиміама, Въ ней солнца горячаго нити сквозятъ И въ тускломъ сіяньи безмолвнаго храма Колеблется отблескъ лампадъ. Мертвы и безсильны поблекшіе боги— Созданья давно промелькнувшихъ людей И полны унылой и страстной тревоги Улыбки боговъ изъ камней. Когда-то у ногъ ихъ жрецы приносили Нетлѣнныя жертвы свободныхъ даровъ, Но гордые люди навѣки убили Надежду и вѣру въ боговъ.

И только порой со сверкающимъ взоромъ Приходятъ сюда пилигримы—слѣпцы, И молятся долго съ тоской и укоромъ Тогда въ этомъ храмѣ жрецы.

* * *

Въ таинственный мракъ убѣгаютъ колонны,

Гдѣ боги поникшіе спятъ, И темною ночью порою злѣсь стоны И робкіе вздохи звучатъ, И чья-то чуть слышная рѣчь раздастся Въ недвижной и хмурой тиши И жалобно пѣсня изъ мрака несется Какъ плачъ наболѣвшей души; То сонная птица нежданно метнется Подъ черный, какъ ночь, небосводъ И эхо испуганно вдругъ отзовется И снова надолго замретъ. Несмѣло и тайно сюда приходили Съ надеждой жрецы по ночамъ И страстно и слѣпо о чемъ-то молили Боговъ и таинственный храмъ.

* * *

И чудо свершилось. Какъ хищная стая Въ безумьи страшна и слѣпа,

Къ богамъ позабытымъ, моля и зывая, Потокомъ рванулась толпа:

«О, если вы властны, о, если вы боги, «Явите-же чудо скорѣй, «Чтобъ счастье намъ ярко сіяло въ до- роги»

«Во мракѣ мятежныхъ ночей. «Явите-же чудо! Мы ждемъ изнывая, «Мы ждемъ, утопая вѣками въ крови, «Спасите насъ, боги родимаго края, «Во имя великой любви».

И долго молила въ безумной тревогѣ Толпа своихъ старыхъ боговъ, Но были безвластны и мертвы ихъ боги, И жалки во вѣки вѣковъ».

* * *

И ужасъ безумный въ чаду ослѣпленья Толпу, точно факель, зажегъ, И въ идоловъ вдругъ полетѣли камни И рухнулъ поверженный богъ. Ударъ за ударомъ и падали боги И съ трескомъ глухимъ разсыпались въ прахъ

И въ дикомъ восторгѣ топтали ихъ ноги У скорбныхъ жрецовъ на глазахъ,— Толпа разбивала отъ края до края Надежды тѣхъ жалкихъ слѣпцовъ, Въ комъ теплилась искра и вѣра живая Въ своихъ истукановъ—боговъ. Она озарила могучимъ сіяньемъ Ихъ мракъ роковой безъ конца И властно зажгла безутѣшнымъ страданьемъ

Наивную душу слѣпца...

* * *

И поняли всѣ, что ничтожны ихъ боги, Что вѣками молились бездушнымъ камнямъ...

Безмолвный и хмурый стоитъ на дорогѣ Одинокій покинутый храмъ. Облетѣли давно потускнѣвшія краски, Позолота сгорѣла въ пыли и въ лучахъ И стоитъ онъ какъ призракъ мучительной сказки,

Вызывая таинственный страхъ. Говорятъ, что разбитые, старые боги Оживаютъ и плачутъ по темнымъ ночамъ И безумный ихъ лепетъ въ тоскѣ и тревогѣ,

Призываетъ молиться въ ихъ храмъ. Но напрасны порывы глухого безсилія, Не вернуть никогда имъ прозрѣвшихъ людей

И навѣки толпою отрублены крылья У безславныхъ боговъ изъ камней.

Алексѣй Грунинъ.

Три ландыша.

Мери выбирала цветы. Внимательно пересматривая крупные розы, махровые гвоздики и нарциссы, и как бы соображая что-то, она, с минуту простояв в раздумьи, загадочно улыбнулась.

— Прибавьте сюда еще три ландыша, только три! — сказала она — и соберите все в розовый *porte-bouquet*.

Счастливая, торжествующая улыбка не сходила с красивого, выразительного ее лица; казалось, что она переживает громадное счастье! Продолжая блаженно улыбаться, Мери вышла на улицу, бережно неся букет обернутый в бумагу. На улице она не замечала морозного ветра, который играл ее светлыми волосами и покрывал ярким румянцем щеки. Она вся ушла в свои грезы, а эти последние были такие светлы!

Дорогой, милый — мысленно твердила она — сколько счастья доставил ты мне своим вниманием! И ей вспомнилось, с каким напряженным беспокойством ждала „его“ выхода на сцену, три дня тому назад. Примите эти цветы от горячо любящей Вас женщины — вложила она записку в поднесенный „ему“ букет — и, если для Вас не безразлично ее поклонение, приколите ландыши...

Нить, не приколеть — отчаивалась Мери, с терпением ожидая выхода своего кумира. И как радостно забило ее сердце, какой восторг наполнил ее душу, когда она увидела, что просьба ее была исполнена: „он“ приколот три ландыша! Только три ландыша!

О, Мери знала язык цветов! Это означало: я тебя люблю!.. А когда она поймала взгляд брошенный со сцены, то ей показалось, что в глазах устремленных на нее промелькнула искра внимания! Восторгу ее не было предела! Все ее существо трепетало от чувства безпредельного блаженства и ей было так хорошо, так светло! До сих пор она не может еще очнуться от сладостного ощущения своего успеха у „него“. „Он“, кумир и бог женщин, приходивших в умиление от одного его слова или взгляда, оказал ей такое внимание! И сердце ее замирало от гордости и удовлетворенного самолюбия! Прикрывая муфтой букет, она мысленно представила „его“ с приветливой улыбкой принимающего от нее подношение.

Сегодня он найдет в букете опять три ландыша, и может быть...

* * *

Уже в продолжении трех лет она дышала театральной атмосферой. Ей был дорог этот вестибюль со скамьей, у которой она простаивала часы в ожидании приезда известного артиста-премьера.

Принадлежа к числу поклонниц, Мери все же казалось, что ее чувство к „премьеру“ было гораздо серьезнее восторженного поклонения большинства женщин. Многие из них подмывались над ее скромностью и застенчивостью, когда он шумно окружали артиста здоровавшегося с ними. Он постоянно перепутывал их имена, смягчая свою рассеянность обворожительной улыбкой. Иногда Мери корбило от слишком свободных манер некоторых полужнакомых ей девиц и несколько раз она пыталась оборвать это почти уличное знакомство, но не находила в себе мужества выйти из заколдованного круга театральных сплетен, разговоров и интимных интересов жизни кулисы... Она съела на свое обычное место у входа и посмотрела кругом. Полумрак еще не освещенного вестибюля, тихо сновавшие капельдинеры и царившая тишина, вся эта обычная обстановка была так мила ее сердцу. Она привыкла наблюдать, как эта тишина начинала постепенно париться хлопыванием входных дверей и громким говором публики. Ярко выпыхивало электричество, оживление росло с каждой минутой. Увлечшись, Мери представила себе Мирского в его любимой роли и сердце ее забило сильнее в ожидании скорой с ним встречи.

«Вы опять с подношением?» раздался около нее голос. Вздвигнув от неожиданности, она увидела одну из особенно не симпатичных ей поклонниц премьера. Вертящаяся, востропосенная с маленькими бегавшими глазками и крупными широкими зубами блестящими подозрительной близкой, Анна Ивановна, как она назвалась Мери, не сказав своей фамилии, была самая бойкая и говорливая из всех ее театральных знакомых.

— Вы, милая моя, разоритесь, — сказала она улыбаясь и садясь рядом. Услыша в тон ее голоса отблеск зависти, Мери из вежливости улыбнулась.

В это время к ним подошли остальные поклонницы.

— Вы всегда из первых — поздорова-

лась с Мери высокая шатенка с круглым здоровым лицом — и опять с цветами!

— Послушайте, *mademoiselle* — быстро заговорила полная блондинка с особенно искусно взбитыми волосами. — Мы должны вам заметить, что вы поступаете не по товарищески! Вы хитрите! Почему — это „он“ приколот прошлый раз ваши цветы? Насколько мы помним: вы кажется, только в первый раз осмелились обратиться лично к нему?

— Да, я хорошо помню — прервала блондинку солидная уже средних лет дама — когда вы нам поручали подносить ему ваши цветы, он ни разу не прикалывал ни одного из них!

— Это потому, что у нея, наверно, была вложена записка! — шипя, заметила Анна Ивановна.

— Послушайте — слегка дрожащим от гнева голосом, сказала Мери вставая — ведь это, наконец, невыносимо! Дались вам эти цветы! Пусть будет по вашему — бросила она ненавистной женщиной: — Да, я писала ему и он исполнил мою просьбу. Что же из этого? Прошу Вас оставить меня в покое!

— Я так и знала, так и знала, что была записка — покраснев сказала Анна Ивановна, закусывая своими крупными зубами нижнюю губу и злобно поглядывая на Мери.

— Знаете ли, душечка, что я вам скажу — криливо обратилась к Мери блондинка — не сантиментальничайте и не воображайте, что своим умничанием вы можете надяться на успех у „него“! Знайте, что он артист и должен принадлежать всем нам, понимаете ли, всем! — захлебывалась она — и я никак не ожидала, что вы будете так неблагодарны за все наши услуги. Вспомните-ка, как мы вам сообщали всегда, где он должен был бывать, чтобы вы могли лишней раз полюбоваться на „него“.

Боже мой, как все это пошло — подумала Мери — оставьте меня прошу вас — раздраженно сказала она, отходя в сторону.

Давно бы надо было порвать с ними, какие он мелочны и грубы — думала она взволнованная неожиданной ссорой.

Широко распахнулась дверь и вошел „он“ в сопровождении другого второстепенного артиста. Его раскрасневшееся от мороза лицо дышало свежестью, большие, черные, бархатные глаза, красиво очерченные брови и черные локоны падавшие из под круглой меховой шапки на брововый воротник, делали его похожим на русского кра-

савца-боярина. Поклонницы моментально окруживъ его, спѣшили наперерывъ пожать ему руку, осыпая его вопросами: будетъ ли онъ читать на такомъ-то вечерѣ? Когда пойдетъ такая-то пьеса и т. д. Въ рукахъ зубастой Марьи Ивановны появилась тщательно скрываемая до этой минуты изящная коробка конфетъ. Принявъ послѣднюю съ милой улыбкой и сдѣлавъ общій поклонъ, „онъ“ поспѣшилъ присоединиться къ поджидавшему его товарищу. Замѣтя одиноко стоявшую Мери, застѣнчивую, съ виноватой улыбкой на губахъ, готовую уже протянуть ему руку съ букетомъ, онъ, бросивъ на нее короткій, пристальный взглядъ отвернулся, и какъ бы продолжая прерванный разговоръ, умышленно громко произнесъ:

— Ты, вѣдь, знаешь, что сантиментальность не въ моемъ характерѣ...—и дѣлая видъ, что не замѣтилъ ея намѣренія, торопливо прошелъ за кулисы. Услыхавъ жестокія слова Мери вспыхнула.

А какъ же три ландыша?—смутно подумала она ощущая подступавшія слезы. Сердце ея тоскливо сжалось. Среди сповавшей мимо нея публики она увидѣла насмѣшливое лицо Анны Ивановны, бѣгающіе глазки которой краснорѣчиво говорили:

„Вчера—ты, а сегодня—я!!“

Да, сегодня—она!—мысленно повторила Мери, смотря на своихъ бывшихъ друзей спѣшившихъ въ зрительный залъ.

Нищенки пошли за подавніемъ!—съ горечью подумала она:—жалкія, жалкія жалкія!! И я тоже, какъ жалкая попрошайка получила свою долю щедрой подачки!

Лицо ея горѣло краской стыда и униженія, въ вискахъ стучало и горячя, крупныя слезы застилали глаза. Она въ изнеможеніи опустилась на скамью. До ея ушей долетѣли звуки оркестра игравшаго передъ подвигіемъ занавѣса. Звуки эти въ продолженіи трехъ лѣтъ вызывали въ ея душѣ сладкое чувство ожиданія увидѣть дорогое, милое лицо!

«Все прошло»—ныло въ груди Мери. Съ глазъ ея внезапно упала повязка, мѣшавшая ей видѣть себя въ роли несчастной, театральной психопатки! Встрѣчи, томительное ожиданіе, безмолвное обожаніе и наслажденіе ловить съ жадностью каждый небрежно брошенный взглядъ, каждый звукъ „его“ голоса! Воображаю, какъ онъ высмѣиваетъ всѣхъ пасъ и можетъ быть, прикалывая прошлый разъ мои цвѣты, онъ съ насмѣшкой хвасталъ попой побѣдой!

Да что же такое, наконецъ, влечетъ насъ

въ эту сферу!—задала себѣ Мери вопросъ, заглушая тоскливое, мучительное чувство какой то невозвратимой потери. Взглядъ ея упалъ на букетъ, который она машинально положила на скамью.

Какъ и часъ тому назадъ она снова обвела глазами знакомую обстановку, какъ бы на всегда прощаясь съ нею. Теперь опять наступила тишина и въ ярко освѣщенномъ вестибюлѣ было пусто. Взявъ цвѣты она медленно пошла къ выходу. Хлопнула тяжелая дверь и Мери очутилась на улицѣ.

Сердце болѣзненно сжималось.

Прощай навсегда!

Холодный воздухъ освѣжилъ ей лицо. Она посмотрѣла па букетъ. Бѣлыя, нѣжныя чашечки ландыша отъ мороза свернулись и поникли; розы и остальные цвѣты сразу потеряли свою свѣжесть и съ каждой минутой становились все безжизненнѣй.

Мери медленно скрылась въ безучастной уличной толпѣ.

М. Смоликова.

Стихотворенія

Алексѣя Грунина.

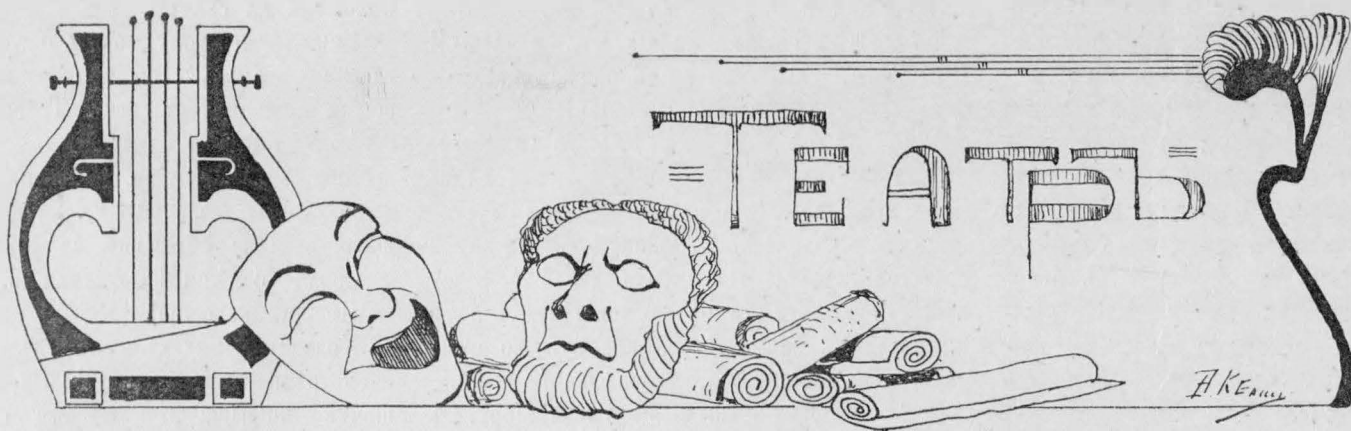
I.

Мнѣ съ тобой, голубка, многого не надо;—
Мы купили счастье долгою борьбой;
Только въ нѣжной рѣчи счастье и отрада,
Только въ робкой ласкѣ радость и покой.
Пусть гроза пріюмчится насъ незадѣвая,—
Мы съ тобой безсильны оба, какъ рабы,—
И теперь страшитъ насъ буря грозная,
Годы новой муки, скорби и борьбы.

II

О, не тоскуй и меня не кляни,
Знай, я твоею-же скорбью страдаю,
Какъ ты томилась въ послѣдніе дни—
Я лишь одинъ только знаю.
Горе увянетъ. Промчатся года.
Время былого слѣды замечаетъ...
Милая, вѣрь, никогда, никогда
Нашего горя никто не узнаетъ.

О нашемъ театрѣ.

Привычка русскихъ—болѣзненно приглядываться къ Западу, считая его разсадникомъ всевозможныхъ видовъ культуры.

Въ пѣкоторыхъ случаяхъ это дѣйствительно такъ. Пресловутый Западъ, считающійся съ давнихъ поръ чѣмъ то вроде обѣтованной земли, припосылъ намъ, русскимъ, дремлющимъ порой въ оковахъ родной лѣни, много пользы. Мы почти всегда жили подражательно, т. е. заимствовали образцы культуры у другихъ народовъ и потомъ уже передѣлывали ихъ «на свой манеръ». Плохая копія часто сходилась за оригиналъ. И все таки, не смотря на множество отрицательныхъ сторонъ, Западъ научилъ насъ «двигаться», къ чему-то стремиться.

Все горе въ томъ, что мы не знаемъ середины. Мы, или сладко дремлемъ, просыпая важнейшіе и интереснѣйшіе моменты жизни, или увлекаемся, какъ дѣти, не давая себѣ даже отчета въ происходящемъ. Мы кидаемся въ вихрь, очертя голову и совершенно не думая о послѣдствіяхъ, становясь зачастую рабами жалкой, убогой моды, уже въ достаточной степени разлѣвшейся русской театрѣ.

Французы, нѣмцы и т. п. «культурныя» націи, если можно такъ выразиться, удивительно патріотичны въ смыслѣ искусства. Они любятъ «свое», живутъ своимъ и культивируютъ свое. Для нихъ театр—школа въ полномъ смыслѣ этого слова, по школе непременно національная, чуждая пришлыхъ наносныхъ элементовъ. И эта гордость, это сознаніе собственной силы ставить театръ на должную высоту. Продуктивность французскихъ и нѣмецкихъ драматурговъ по истинѣ изумительна. Они работаютъ безъ усталости, зная что ихъ работа не пропадетъ безслѣдно, сыгравъ роль маленькаго, но необходимаго, винтика въ огромной вѣчно движущейся машинѣ.

Такъ ли обстоитъ дѣло съ нами?..

У русскихъ, благодаря стремленію къ подражательности и безсознательному преклоненію передъ «заграницей», нѣтъ «своего» театра.

Онъ былъ, но его не стало. Умерли Грибоѣдовъ, Гоголь, Островскій, умеръ Чеховъ—послѣдній могиканъ нашей драматической литературы. Нашъ русскій писатель, смѣявшійся русскимъ смѣхомъ и плакавшій русскими слезами. И съ его смертью пашъ театръ, начавшій перерождаться на почвѣ художественнаго реализма, пересталъ существовать. Стремленіе къ иностранному, восхищеніе декаденствомъ и пресловутой стилизаціей понемногу сдѣлали свое дѣло. Русскій театръ отцвѣлъ, не успѣвъ разцвѣсть.

Съ легкой руки «модернствующей» Яворской старавшейся въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ отыскивать на Мойкѣ «новые пути» и угощавшей публику или символическими произведеніями иностранныхъ драматурговъ или бездарными пьесами своего сіятельнаго супруга, искусство начало трещать по швамъ. Провинція такъ-же чутко прислушивается къ Петербургу, какъ мы къ заграницѣ. Петербургъ оригиналъ, которому, въ силу необходимости, подражаютъ и это подражаніе ложится всей тяжестью на спину многострадальнаго русскаго актера.

Я не буду подробно останавливаться на причинахъ способствующихъ паденію театра. Ихъ слишкомъ много. Коснусь лучше современнаго положенія вещей, изъ котораго все само собой вытекаетъ.

Откиньте въ сторону казенный театръ и возьмите частный, хотя бы г-жи Комиссаржевской. Надо полагать, что театръ этотъ русскій, рассчитанный на русскую публику? Ничуть не бывало. Обратите вниманіе на репертуаръ. Въ немъ преобладаютъ, въ рѣдкихъ случаяхъ понятный для насъ, Ибсенъ и совершенно туманный символическій Метерлинкъ. Правда тамъ демонстрируются и русскіе драматурги, по ихъ довольно трудно отличить отъ иностранныхъ. Тутъ поддѣлка довольно тонкая и искусная, напоминающая тіару Разумовскаго. Посмотрите любую русскую пьесу и вы не скажете, что ее писалъ русскій. «Побѣда смерти» или «Жизнь человѣка» Андреева ужасно отдаютъ иностраннымъ. Мнѣ онѣ кажутся не самостоятельнымъ творчествомъ, а удачно сдѣланнымъ, вполне литературнымъ переводомъ. Въ эти короли

Хлодвиги, рыцари съ опущенными забралами, «нѣкто въ сѣромъ»—взяты напрокатъ изъ иностранной символики и выданы за оригиналъ.

Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что русскій театръ страдаетъ именно отъ нашествія г.г. Андреевыхъ, Сологубовъ, Блоковъ и т. п. лже-символистовъ. Образовалось нѣчто вроде секты, занимающейся исканіемъ отвлеченнаго идеала въ заграничномъ духѣ. Возьмите прежняго Л. Андреева, написавшаго превосходный, захватывающій рассказъ «Жили-были», гдѣ каждое слово—сама правда, самая рельефная и, главное, общедоступная, и возьмите Андреева теперешняго, преподнесшаго публикѣ «Жизнь человѣка». Это небо и земля. Почему въ первомъ случаѣ онъ обходился безъ помощи символовъ, а во второмъ—нѣтъ?.. Огвѣтъ простъ и ясенъ. Въ первомъ случаѣ Андреевъ творилъ, во второмъ—подражалъ. Я видѣлъ скучающую публику, часть которой покидала театръ раньше конца представленія. И не вѣрится мнѣ, какъ ни стараюсь себя увѣрить, что искренны г.г. критики находящіе сокровенный смыслъ въ Андреевской «Жизни человѣка», Сологубовской «Побѣдѣ смерти» и Блоковскихъ бредняхъ, вроде «Балаганчиковъ», послужившихъ интересной темой для многихъ юмористическихъ журналовъ.

Подражательность подражательности рознь. Подражатели Чехову или вѣрнѣе его настроенію, его русской грусти, не могутъ принести вреда театру. Русская жизнь мало использована. Чеховъ, благодаря своей безвременной кончинѣ, не использовалъ и половины того, что яркими пятнами бросалось въ глаза, просясь на полотно. Матеріала слишкомъ много, нашего русскаго матеріала. Стоитъ только немного порыться и опъ явится къ вашимъ услугамъ. Но мы, къ сожалѣнію, удивительно не національны. Намъ нѣтъ къ заграницѣ въ то время, когда «заграница» совершенно не тянется къ намъ. Русскіе актеры, считаясь почему то мопѣ культурными, чѣмъ заграничные, играютъ прилично бытовые иностранные пьесы, иностранцы же съ легкимъ сердцемъ позорятъ наши лучшія произведенія, изображая вмѣсто русскихъ героевъ

быта, гнусѣйшую карикатуру. Стоитъ посмотре-
ть снимки съ заграничныхъ постановокъ «Ре-
визора» и «Власти тьмы», чтобы придти въ
ужасъ. Ни одного мало-мальски вѣрнаго ко-
стюма, ни одного вѣрнаго гримма. Постановка
русскихъ пьесъ на заграничныхъ сценахъ сво-
дится обыкновенно къ кокошнику, высокимъ
сапогамъ и пресловутому самовару—«Samovar
russo», считающейся почему то главнымъ вы-
разителемъ русскаго быта.

Насъ позорять, окарикатуриваютъ, отгова-
риваясь незнаніемъ.

Что же дѣлаемъ мы?..

Мы съ поразительной тщательностью изу-
чаемъ за границу, стараемся назойливо увѣрить
публику, что свѣтъ идетъ оттуда, гдѣ кон-
чается Россія. И увѣряемъ по мѣрѣ силъ, воз-
можности и степени дарованія.

Сектанты-символисты, подтверждающіе бле-
стящимъ образомъ теорію Дарвина, подражаютъ
Метерлинку, Ибсену и др. не по убѣжденію, а
только потому, что теперь на это мода. Пуб-
лику отучили отъ простаго. Островскій, Гоголь,
Грибоѣдовъ—устарѣли, а Чеховъ и его преем-
ники слишкомъ просты, слишкомъ понятны.
Психопатическіе сектанты увѣрили насъ, что
жизнь необходимо понимать не по жизни, а по
символамъ. И появляются на сценѣ, благодаря
этому, какіе то намеки на что-то отвлеченное
въ видѣ «нѣкто въ сѣромъ». Онъ никому не
нуженъ и не интересенъ. Лубочныя фигуры,
могущія сдѣлать честь балаганамъ, но не серь-
езному театру, взявшему на себя трудную роль
учителя толпы.

Современные русскіе символисты, подгоня-
ющіе идеи своихъ пьесъ къ получаемому гоно-
рару, готовы подражать кому угодно, не ис-
ключая даже и Ведекинда съ его «Пробужде-
ніемъ весны»—пьесой, сильно напоминающей
порнографическія открытки съ соответствующи-
ми порнографическими надписями. «Исканія
новыхъ путей» замаскировываютъ зачастую на-
глую бездарность, прикрывающуюся именемъ
декадента. Такъ и въ живописи и въ музыкѣ и
въ литературѣ. Вездѣ символическій угаръ и
пошлое кривляніе по заранѣ намѣченному
плану.

Мнѣ приходилось слышать мнѣніе декадент-
ствующихъ плясуновъ относительно Протопо-
повскихъ «Черныхъ вороновъ». Пьесу топ-
чуть въ грязь, считаютъ ее угожденіемъ гру-
бымъ вкусамъ публики. Я согласенъ, что пьеса
г. Протопопова не литературный шедевръ, но
не смотря на всѣ недостатки, она, какъ рису-
ющая отрицательныя стороны русской жизни,
принесетъ больше пользы народу, чѣмъ порно-
графическое «Пробужденіе весны» и сверхъ-
декадентское «Пелеасъ и Мелисанда», по-
нятыя Яворскимъ и Коммиссаржевскимъ. По-
неволѣ приходится воскликнуть: да здравствуетъ
г. Протопоповъ, ибо нѣтъ въ немъ символиче-
ской фальши, а есть стремленіе использовать
русское, не прибѣгая къ заграничному.

У насъ нѣтъ нашего жизненнаго театра и
нашъ актеръ невыразимо страдаетъ. Казенному,
обеспеченному годовымъ жалованьемъ, мало
дѣла до репертуара и до почтенныхъ генера-
ловъ Литературно-Театральнаго комитета, про-

пускающихъ съ рамолиментской снисходитель-
ностью всякую дребедень, въ родѣ «Шалыхъ»,
«Жанинъ» и т. п., но провинціальныя актеръ,
постановленный въ силу обстоятельствъ, въ до-
вольно невыгодныя условія, мечется изъ сто-
роны въ сторону, стараясь уяснить себѣ эти
«новые пути», которые невозможно уяснить,
при всемъ желаніи. Я уже сказалъ, что про-
винція болѣзненно копируетъ Петербургъ, въ
свою очередь копирующій за границу. Петер-
бургско-иностранная символика оптомъ от-
правляется въ провинцію, гдѣ нѣтъ ни времени,
ни средствъ для постановки Яворско-Коммис-
саржевскихъ стилизацій, носящихъ сказочный,
неземной характеръ. И театръ, *polens-volens*,
превращается въ балаганъ. Къ нему охладѣ-
ваетъ и публика и актеры. Читайте провин-
ціальныя корреспонденціи: крахи за послѣднее
время сдѣлались обычнымъ явленіемъ. Прого-
раютъ антрепренеры, разоряются актеры, дѣло
падаетъ, подобно термометру, попавшему въ
осеннюю сырость послѣ яркаго солнца.

Можетъ ли такъ долго продолжаться?..

Нѣтъ, тысячу разъ—нѣтъ!.. Я далекъ отъ
мысли пропагандировать воскресеніе Жадовыхъ
и подобныхъ ему односторонне-благородныхъ
героевъ, но я хочу видѣть нашъ театръ, чуж-
дый символизма и ясный, какъ сама правда.
Тотъ нашъ новый театръ, въ основу котораго
великій Чеховъ положилъ краеугольный ка-
мень. Вспомните слова Чеховской Ани, съ на-
деждой смотрящей въ будущее:

— «Вишневый садъ проданъ, его уже нѣтъ!..
Но мы насадимъ новый садъ, роскошнѣе, лучше
этого... и ты улыбнешься, мама!.. Пойдемъ,
милая, отсюда... Пойдемъ!..»

И этотъ новый вишневый садъ уже не за
горами. Всѣ устали, но боятся признаться.
Лучше во время уйти и постараться «насадить».

— Искусство жаждетъ обновленія!..

Павель Вейнбергъ.

Пріемный день у Мельпомены.

(Revue).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Теляковскій.
Гнѣдичъ.
Вилинскій.
Тумпаковъ.
Сѣверскій.
Мейерхольдъ.
Коммиссаржевская.
Театры «Кинематографъ».
Зрители.

Пріемная.

Теляковскій (входитъ).

Говорю всегда я смѣло:
У меня къ тебѣ есть дѣло
Я вѣдь знаешь, не-таковскій...
(Кругомъ шепотъ почитателей): Теляков-
скій, Теляковскій...

Мельпомена.

Чѣмъ могу служить, скажите?

Теляковскій.

Гдѣ же правда, укажите?
Всѣ меня бранятъ, ругаютъ...
Вѣрите мнѣ, никто не знаетъ,
Отчего репертуаръ
Никуда негоденъ, старъ...
Объясниться я не прочь.

Гнѣдичъ (услужливо).

Не позволите-ль помочь?

Теляковскій.

Мною принятъ былъ «Король»
Онъ прекрасенъ, та *paroli*!
Превосходно шель... какъ вдругъ
Оболенскій, «милой другъ»...
Снялъ его съ репертуара...

Гнѣдичъ.

Дверь открыть сему-бы мужу!

Теляковскій (строго).

Гнѣдичъ, цыцъ!—Садитесь въ лужу!
Продолжаю... Палъ «Король»;
Отобралъ у Маши роль...
Стыдно, горько... какъ забыть?

Мельпомена.

Не директоромъ вамъ быть!

Теляковскій.

Сдѣлать что же мнѣ прикажешь?
Гдѣ же выходъ мнѣ укажешь?
Я люблю театръ свой...

Гнѣдичъ (поясняетъ).

Нуженъ тамъ городской!

Мельпомена.

Выходъ я тебѣ открою—
Правды также я не скрою,
Выходъ ясенъ—это вотъ:
Изъ дверей и... поворотъ.
Дай другимъ просторъ и ходъ...

Теляковскій (перебиваетъ).

Извини—не идіотъ...
Отказаться отъ оклада!..
Нѣтъ, совѣта мнѣ не надо...
Пусть мѣшаетъ мнѣ цензура!..
(выходитъ).

Мельпомена (со вздохомъ).

Ну натура! Ну натура!
(Гнѣдичъ выбѣгаетъ за нимъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Мельпомена (одна).

Времена теперь настали!
Отъ искусства всѣ отстали,
Править сценой мнѣ не въ мочь—
Безпросвѣтная тамъ ночь...

Мейерхольдъ и Коммиссарже-
вская (входятъ).

Стилизація отнынѣ
Пусть царитъ у насъ, богиня.
«Пробужденіемъ весны»
Нагоняю всѣмъ я сны.
Что мнѣ публика, артисты?
Мнѣ нужны одни стилисты.

СЦЕНА И ЖИЗНЬ.

Декораций нужно мало,
Чтобы чувство не пропало.

Мельпомена.

Попрошу васъ; ближе къ цѣли.
Ерунды вы мнѣ напѣли...
И притомъ же разговоры...

Комиссаржевская (*страстно*).
Мельпомена, дай намъ сборы!
Тьма людей, успѣхъ такъ ярокъ...

Мельпомена.

Слишкомъ много контромарокъ!

Комиссаржевская.
Контромарки—это вздоръ:
Мы даемъ ихъ съ давнихъ поръ.

Мельпомена.

Что же новаго у васъ?

Мейерхольдъ.

«Мелизанда, Пеллеасъ»,
«Сказка», «Свадьба», «Беатриса».

Мельпомена.

Все старье...

Комиссаржевская.

Я директриса!
Что хочу я—то и ставлю;
Мейерхольда я оставляю!

Мейерхольдъ (*мечтательно*).

Похвалила на дняхъ меня критика:
Говоритъ, будто корчу я «нытика»...
Не понравилось мнѣ это слово:
Хоть и стильно оно, но не ново.
Директриса рѣшила, что нужно
Съ рецензентами жить очень дружно...
Я со взглядомъ такимъ не согласенъ:
Рецензентъ и хитеръ и опасенъ.

(*поетъ на мотивъ «Матчиша»*).

Я—Мейерхольдъ суровый
И безтолковый
Въ искусствѣ я новаторъ
Я—стилизаторъ.
Я шелъ на компромисы,
Но съ директрисой
Всѣ вздоръ такой несутъ,
Что нуженъ судъ...
Пусть судъ рѣшитъ;
Пусть всѣхъ онъ насмѣшитъ (bis).

Комиссаржевская.
Что-жъ? Совѣтъ-то намъ дадите?

Мельпомена.

Надоѣли... Уходите!

ЯВЛЕНИЕ III.

(*За сценой слышенъ шумъ*).

Мельпомена.

Ахъ Мейерхольдъ! Ахъ, бѣдный умъ!
Какъ можно... Это что за шумъ?!
Какъ будто ссора тамъ,

Я слышу визгъ и гамъ...
И ревъ я слышу исполинскій.
(*Вбѣгаютъ Вилинскій, Тумпаковъ и
Съверскій*).

Вилинскій.

Pardon, сударыня!—Вилинскій—
Антрепренерствую въ Пассаждъ...

Мельпомена.

Вы, сударь, что-то въ сильномъ «раждѣ».

Тумпаковъ.

Помилуйте, изволить онъ браниться...

Съверскій (*обоимъ*).

Когда я здѣсь, — должны вы сторониться.

Тумпаковъ (*къ Мельпоментъ*).
«Торреадора» я поставилъ...

Вилинскій.

Онъ у меня «Качели» сплавилъ...

Тумпаковъ.

Мнѣ стоилъ тысячъ этотъ «трюкъ».

Вилинскій.

Я въ томъ сезонѣ былъ безъ брюкъ!

Тумпаковъ.

«Вдова» мнѣ сдѣлала дѣлишки.

Вилинскій.

Къ тому-жъ играетъ онъ въ картишки.

Мельпомена (*строю Вилинскому*).
Monsieur, прошу Васъ не грубить!

Тумпаковъ.

Я по карману буду бить!

Мельпомена

Но ближе къ дѣлу, оба дружно
Мнѣ объясните, что вамъ нужно?

Вилинскій.

Тумпаковъ портитъ мнѣ все дѣло;
И вотъ теперь, скажу я смѣло:
Вѣдь онъ Полонскаго отбилъ.

Тумпаковъ.

Полонскій намъ всегда былъ милъ;
Теперь онъ нашъ и намъ пріятно...

Мельпомена.

Мой другъ, но это... неопратно!

Вилинскій.

Пускай мнѣ платитъ неустойку—
Не то задамъ головонойку!

Съверскій (*Вилинскому*).

Ты у меня бы поучился
Я въ дракѣ тоже отличился.

Мельпомена (*указывая на зрителей*).
Я вамъ совѣтъ подамъ благой:
Ихъ подѣлить между собой.

Вилинскій, Тумпаковъ, Съверскій (*вмѣстѣ*).
Я согласенъ!
И я тоже!
Подѣлиться? Отчего-же!

Будемъ въ мірѣ жить опять,
На интриги наплеваты!

(*Дружно обнявшись выходятъ; у Тумпа-
кова изъ кармана торчитъ кончикъ Поло-
скаго*).

ЯВЛЕНИЕ IV и послѣднее.

Въ пріемную врывается цѣлая толпа ки-
нематографовъ. Крикъ, пѣніе, шумъ.

1-ый.

«Какъ въ Париждѣ»...

2-ой (*шепотомъ*).

— Маркой ниже...

3-ий.

Я—«Какъ въ Ниццѣ».

2-ой (*съ ужасомъ*).

Прочь, дѣвицы!

4-ый.

«Блудный Сынъ»—одинъ лишь мой!

2-ой.

Вздоръ! Укралъ!! Городовой!!!

4-ый.

Я—искусство стиль «нуво».

1-ый.

Въ немъ не видно ничего!

3-ий.

Всѣ ко мнѣ скорѣй спѣшите.

Мельпомена.

Ахъ, уйдите! Пощадите!!

(*Падаетъ въ обморокъ*).

Занавѣсъ и искусство быстро падаютъ.

Свенгали

Премьерша театра „Буффъ“
Зинаида Францовна Бауеръ
въ опереттѣ „Торреадоръ“.

ПАШЪ АЛЬБОМЪ.

М. Г. САВИНОЙ.

Вы нашихъ дѣдовъ восхищали
Игрой своею вдохновенной;
Что прежде нравилось, едва-ли
Пріятно нынче въ «незабвенной».

К. А. ВАРЛАМОВУ.

Покушать любить и не прочь
Порою прокутить всю ночь;
На клубныхъ сценахъ—въ женскихъ ро-
ляхъ,
Въ Александринкѣ—на гастроляхъ.

Л. М. КЛЕМЕНТЬЕВУ.

Похвалъ не мало слышалъ онъ въ
печати;
Хвалили много разъ (хоть иногда
не кстати!)
Бранить нельзя—талантъ бесспор-
ный онъ—
Но что-бы ни игралъ — на сценѣ
лишь «Неронъ».

В. ПІОНТКОВСКОЙ.

За голосъ, внѣшность и манеры
Вамъ примадонны данъ патентъ
И тѣ большіе лицемѣры,
Кто говоритъ про вашъ акцентъ...

Е. И. ОНѢГИНУ.

Какъ онъ поетъ и какъ играетъ
Достоинъ можетъ быть отличія,
Но въ общемъ, кажется, страдаетъ
Маніей величія.

Наши интервью.

У Зинаиды Францевны Бауеръ.

Симпатичная премьерша театра «Буффъ» приняла насъ въ уютно и со вкусомъ обставленной гостиной. З. Ф. большая любительница изящныхъ вещицъ, статуетокъ, бронзы и всевозможныхъ *chef d'oeuvre* овъ живописи. Старинная люстра венеціанскаго стекла бросаетъ своими электрическими свѣчами мягкій ровный свѣтъ на шелковую обивку стѣнъ и мебели.

Зинаида Францевна нѣсколько дней подрядъ не была занята въ театрѣ, гдѣ ее замѣняла въ это время г-жа Рахманова (къ слову сказать, очень неудачно замѣняла!), и этотъ небольшой отдыхъ прекрасно отразился на здоровьи артистки, которой въ теченіе нѣсколько мѣсяцевъ приходилось играть безъ всякаго перерыва.

Принадлежа къ числу слишкомъ немногочисленныхъ артистокъ, которыя получили серьезное музыкальное образованіе, г-жа Бауеръ училась въ консерваторіи у проф. Пабста по классу піанино. Курсъ піанія З. Ф. прошла въ Парижѣ у Бертрами, вполне подготовившей талантливую артистку къ оперной карьерѣ.

Когда Бертрами услышала о моихъ успѣхахъ въ опереттѣ, въ Россіи,—разсказывала намъ З. Ф.,—она взяла съ меня слово, что я непременно вернусь въ оперу, гдѣ я успѣшно выступала въ партіи «Татьяны». Я безумно люблю сцену;—сценой я живу, дышу, увлекаюсь, безъ сцены я не могу жить...

— Какого Вы мнѣнія о петербургской публикѣ?

— Очень лестнаго... Петербургская публика отзывчива и... благосклонна. Посмотрите, кого только ей не «преподносятъ», рассчитывая на ея доброту, и на то, что «сойдетъ»? И дѣйствительно—все «сходитъ».

— Какого вы мнѣнія о новой «вдовѣ»—Піонтковской?

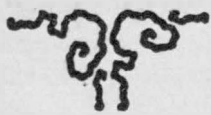
— Она хороша, но въ ней много «провинціализмовъ», если такъ можно выразиться. Г-жа Тамара несравненно лучше; притомъ же Тамара первая создала эту роль...

— Вы чередовались съ Тамарой въ роли Ганны Главари...

— Да, но о себѣ я не могу говорить...

— За вашу «Главари», Зин. Францевна, говоритъ публика, которая переполняла театръ, когда вы играли.

Е. К.

Въ театральныхъ кулуарахъ.

(Подслушанные діалоги).

Въ драматическомъ театрѣ.

— Куда ты привелъ меня, Дормидонтъ Панкратьевичъ?!.. Злодѣй ты мой!.. Моченьки вѣдь нѣтъ, вся душенька изныла!.. Зѣвала я зѣвала, ажъ челюсти скрючило!.. Ужъ лучше пошли бы синематографъ поглядѣть!.. По крайности понятно... А здѣсь канитель!.. Тѣфу!..

— Молчи, стоеросовая!.. Разъ мы галантерейнымъ товаромъ торгуемъ, значить обязаны стилизацію понимать документально!.. Выражайся ты корректурнѣе, сдѣлай милость!.. не привлекай общественнаго созерцанія!.. Чего тебѣ не понятно-то?..

— Ужъ не знаю, какъ и сказать!.. Глядѣла я по твоему приказанію во всѣ глаза, а въ толкъ взять ничего не могу!.. Ровно, какъ сумасшедшіе всѣ!.. Окромя туманности, никакой видимости!.. Ну ихъ совсѣмъ!.. А пуще всѣхъ меня напугалъ, который со свѣчкой ходитъ!.. Аспидъ, одно слово!..

— И сейчасъ видать, что ты дура некультурованная!.. И вовсе это не аспидъ, а нѣкто въ сѣромъ!.. Такъ и въ афишѣтахъ обозначено!..

— Нѣкто?.. Батюшки!.. Инда поджилки трясутся!.. Это что же за нѣкто?..

— Нѣкто—и шабашъ!.. Безъ фамиліи, значить!.. надо полагать, либо безъ пашпорта, либо отъ полиціи скрывается!..

— Пойдемъ домой Дормидонтъ Панкратьевичъ!.. Еще чего добраго и насъ захватятъ!..

— Не выражайся столь опрометчиво!.. Сдерживай свою необразованность!.. По

Премьерша театра „Буффъ“
Зинаида Францовна Бауеръ
въ опереттѣ „Гейша“.

СЦЕНА И ЖИЗНЬ.

Премьеръ труппы театра „Невскій Фарсъ“

Михаилъ Ивановичъ Разсудовъ.

чемъ ты знаешь, можетъ этотъ самый нѣкто во второй Думѣ депутатомъ со-
стоять?.. Сейчасъ его-цапъ!..—и крышка!..

— Боязно мнѣ, Дормидонтъ Панкратъ-
евичъ!.. Дума то вѣдь эта не отъ Бога!..
Надо такъ полагать, что скоро свѣто-
преставленіе, а сѣрый нѣкто антихриста
обозначаетъ!.. Пойдемъ домой!..

— Вотъ и изволь съ подобнымъ сю-
жетомъ разговаривать!.. Никакой инду-
вальности, одна прокламація!.. Цыцъ,
стоеросовая!..

Въ Маринскомъ.

— Браво, Петипа!.. Фор!.. Обрати вни-
маніе Пьеръ, сколько жизни!.. Это вихрь,
огонь, сердцебіеніе!.. За такую женщину
я былъ бы готовъ отдать всю мою жизнь!..
Правда, прелесть?..

— Да, конечно... но...

— Опять «но»?.. Ты не можешь обой-
тись безъ твоего скептическаго «но»...
Въ чемъ дѣло?..

— Я предпочитаю молодыхъ, а она
празднуетъ тридцатилѣтній юбилей!.. Со-
гласись самъ, топ снѣгъ, что это не-
множко множко!..

— Тридцатилѣтній юбилей?!.. Какой
ужасъ!.. Что-же ты мнѣ раньше не ска-
залъ?.. Положимъ, я самъ сразу замѣ-
тилъ что-то неладное... И отвислый под-
бородокъ и старческая полнота!.. Фи!..
Надо во время сходить со сцены и не
давать намъ въ руки оружіе сарказма!..
Удивляюсь публикѣ, которая хлопаютъ
и подносятъ подарки!..

— Но вѣдь ты же самъ хлопалъ, топ
бон?..

— Это дѣло другое!.. Я хлопалъ за
выслугу лѣтъ, такъ сказать, изъ уваженія
къ таланту!.. Надо-же поощрить бѣдную
женщину!..

— Ну, конечно!.. Allons въ буфэ?..

— Allons!..

Въ Александринскомъ.

— Я тебя умоляю, Маріе, дослушаемъ
до конца!.. Какъ ни какъ, но вѣдь «Смерть
Іоанна Грознаго» классическая трагедія!..
И потомъ Ге вовсе ужъ не такъ плохо
играетъ, какъ ты говоришь!.. У него есть
очень недурные моменты!..

— Ахъ, какое мнѣ дѣло!.. У вашего
Ге каша во рту!.. Я не могу разобрать
ни одного слова!.. Гдѣ мое боа?.. По-
ѣдьте домой!..

— Одну минуту!.. Почему ты знаешь?..
Можетъ быть такъ и надо, чтобы у него
была каша во рту!.. Здѣсь ничего не дѣ-
лается опрометчиво!.. Я убѣжденъ, что
всѣ актеры даютъ совершенно правиль-
ные, историческіе типы, потому что у
нихъ начальникъ—военный!.. А что ка-
сается того, что у Ге каша во рту, то
это превосходно!.. Онъ никогда не ум-
ретъ съ голоду!.. Ха-ха-ха!.. Я сегодня
недурно острою!..

— Молчите!.. Въ тѣ дни, когда играютъ
Далматовъ или Аполлонскій вы меня не
берете въ театръ изъ ревности!.. Но я
для вашего удовольствія не намѣрена
слушать косноязычныхъ!.. Принесите
сюда мой сакъ и галоши!.. Я здѣсь ни
минуты не останусь!..

— Маріе... умоляю!..

— Ну?!!

Въ Литературно-Художественномъ.

— Позвольте узнать, господинъ ка-
пельдинеръ, на какомъ основаніи у васъ
представляютъ «Бѣсы»?..

— Это дѣло не наше, господинъ!.. А
ежели вы не трезвы, то держитесь на
разстояніи!..

— Кто не трезвъ?.. Я?.. Хорошо, до-
пустимъ, что я не трезвъ, но прошу васъ
мнѣ разъяснить!..

— Въ случаѣ скандала мы можемъ и
полицію позвать!.. Потрудитесь не вы-
ражаться!..

— Совершенно справедливо-съ!.. Но
я никакъ не могу взять въ толкъ, по-
чему во время разсвѣта третьей Госу-
дарственной Думы дозволяютъ пьесы,
явно накладывающія тѣнь на представи-
телей крайнихъ лѣвыхъ... Чего-съ?..

— За такіе слова, господинъ, вашего
брата не очень одобряютъ!..

— Что-съ?.. Я обыкновенно такихъ
хамовъ бью по зубамъ, но сегодня сдер-
живаюсь, въ виду того, что этотъ те-
атръ специально бюрократическій!.. Кто
у васъ здѣсь хозяинъ?.. Суворинъ?..

— Такъ точно... Алексѣй Сергѣевичъ!..

— Не возвышай голоса!.. А режиссеръ—
Карповъ?..

— Карповъ-съ!..

— Молчать!.. Твоя обязанность отвѣ-
чать на предлагаемые вопросы, безъ соб-
ственныхъ комментариев!.. А что Бара-
товъ съ Глаголинымъ помирились, или
все еще дерутся?..

— Это до насъ совершенно не каса-
тельно!.. Проходите господинъ, своей
дорогой!.. Не задерживайте!..

— Не задерживайте?.. А гдѣ у васъ
тутъ контора?.. Гдѣ полицейскій пикетъ
для составленія надлежащихъ протоко-
ловъ!.. Я тебѣ покажу, хамъ!!!

— Ну и публика!.. Одно слово—жиды
реляціонные!.. Пожалуйте сюда, госпо-
динъ городской!.. Социалиста поймали!..

Въ Народномъ Домѣ.

— Вотъ такъ представленіе, Микита!..
Плакали наши денежки!.. На балаганахъ
не въ примѣръ лучше!..

— Это правильно!.. На балаганахъ, по
крайности, говорятъ явственно, а здѣсь
ни лѣшаго не слышно!.. Пойдемъ пиво
пить!..

— Что ты очумѣлъ что-ли?.. Нешто

можно пиво въ опчествѣ трезвости по-
лучать?..

— Здѣсь все можно, потому началь-
ство доброе, къ народу снисходительное!..
Не токмо что пиво, но даже и водку можно
истреблять, ежели съ осторожностью!..

— Ишь ты, грѣхъ какой!.. А я зарокъ
на три мѣсяца далъ, чтобы значить ни-ни!..

— Плюнь на зарокъ, братецъ!.. Разъ
попалъ ты въ трезвость, значитъ обя-
занъ пить, съ разрѣшенія начальства!..
Дайте намъ, мамзель, сразу шесть кру-
жекъ пива, чтобы вамъ не очень въ ходьбѣ
утруждаться!.. Мерси-съ!.. Глянъ-ка, Ни-
колашка, славная какая!.. Розовая, пухлая,
что твоя пышка!..

— Одно слово—атласъ!.. А какъ на-
счетъ поведеніевъ!..

— Тоже очень слободно!.. Дѣйствуй!..

Не я.

Клака.

Клакерство, какъ извѣстный родъ заработка,
достигло въ нашихъ театрахъ своего, если можно
такъ выразиться, кульминаціоннаго пункта.
Создавая успѣхъ тому или другому исполни-
телю, клакерство вредно отражается на самихъ
артистахъ, которые, уже заранѣе увѣренные въ
въ своемъ успѣхѣ, не прилагаютъ особенныхъ
усилій къ тому, чтобы заслужить дѣйствительное
одобреніе публики. Ни для кого въ настоящее
время не служитъ секретомъ тотъ фактъ, что
успѣхъ нашихъ модныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ по-
купается... цѣною нѣсколькихъ рублей и кон-
трамарокъ. «Легкая» сцена—оперетта и фарсъ
не далеко ушли и отъ серьезныхъ театровъ.

Кому не извѣстно, сколько денегъ тратитъ
на клаку опереточная пѣвица, г-жа Т.? А «зна-
менитая» исполнительница цыганскихъ роман-
совъ, г-жа Р.? Сколько денегъ стоитъ ей «со-
держаніе» цѣлой арміи клакеровъ для поддер-
жанія своего былаго успѣха? Стоятъ-ли послѣ
этого удивляться колоссальнымъ окладамъ арги-
стокъ и артистовъ оперетты, которые чуть-ли не
половину своего жалованья принуждены тратить
на клаку? Не секретъ для habitués оперетты и
успѣхи новой звѣзды на опереточномъ небосклонѣ
г-жи П., которую встрѣчали и провожали не-
умолкаемыми аплодисментами и безчисленными
корзинами цвѣтовъ, чему она обязана съ одной
стороны клакѣ, а съ другой барону III.

Въ первый же вечеръ этой провинціальной
актрисѣ, впервые выступившей на петербург-
ской сценѣ, поднесли девять корзинъ цвѣтовъ,
а во второй—тринадцать. Судя по подноше-
ніямъ, можно было-бы предположить, что пе-
тербургская публика съ нетерпѣніемъ ожидала
появленія этой г-жи П. на сценѣ для того, чтобы
только подносить ей корзины цвѣтовъ. А пе-
тербургская публика даже и не подозрѣвала
существованія этой пѣвицы.

Такъ создавался успѣхъ посредственности
благодаря трогательному тройственному союзу
клаки, барона III. и одного хорошо извѣстнаго
Петербургу (а особенно провинціи!) журналиста,

который не постыжся сравнить г. жу П. съ... Симонъ Жераръ!! Въ свое время въ газетахъ надѣлали много шума разоблаченія дѣятельности газетныхъ театралныхъ рецензентовъ. Мы не хотимъ «дразнить гусей», но положеніе артистовъ настолько печально, что всѣ разоблаченія «дѣятельности» г.г. Р—говъ, Г—совъ, «Оимокъ» и имъ подобныхъ найдутъ на страницахъ нашего журнала много мѣста.

Умѣстнымъ является поэтому привести исторію возникновенія и развитія клаци съ самыхъ древнихъ временъ и до нашихъ дней.

Въ дни древняго Рима «клака» въ театрахъ достигала такого артистическаго совершенства, выше котораго впослѣдствіи ей не удавалось подняться. Ближе къ нашему времени, лѣтъ около пятидесяти тому назадъ, клака во всѣхъ французскихъ театрахъ существовала, какъ совершенно официальное учрежденіе. Начальникъ клаци, имѣвшій цѣлое войско подъ своей командой, былъ столь-же необходимъ для театра, какъ суфлеръ или машинистъ съ той только разницей, что его функціи считались много важнѣе, чѣмъ ихъ. Онъ былъ въ самомъ дѣлѣ важной персоной — это видно, напримѣръ, изъ того факта, что въ 1860 году начальникъ клаци въ Парижской оперѣ заплатилъ премію въ 35000 руб., чтобы получить свое мѣсто, которое, очевидно, приносило не малый доходъ. Кромѣ извѣстнаго процента отъ продажи билетовъ, который давался ему, онъ клалъ въ карманъ значительныя суммы, получаемыя отъ пѣвцовъ и актеровъ, желавшихъ его «особеннаго вниманія»; а въ такой моментъ этотъ народъ, всегда падкій на омаціи, бываетъ особенно щедръ. Прослѣдимъ маневры клакера, дѣйствующаго по порученію премьера труппы, когда нужно во что-бы то ни стало выиграть важное сраженіе предъ лицомъ безпечно-индифферентной или даже явно враждебной публики. Нечего и говорить, что онъ, конечно, дѣлаетъ нѣсколько генеральныхъ репетицій, на которыхъ вырабатывается окончательный планъ атаки. Въ своей рукописи пьесы онъ тщательно отмѣчаетъ тѣ фразы, которыя, по его, мнѣнію должны производить эффекты; затѣмъ онъ условливается съ актерами, чьи интересы, въ данный моментъ, онъ принимаетъ къ сердцу, чтобы они въ этихъ мѣстахъ моментально остапавливали потокъ своей элоквенціи для того, чтобы апплодисменты не заглушали слѣдующихъ ихъ словъ. Устроивъ это, онъ рассказываетъ своимъ подчиненнымъ какой «тонъ» слѣдуетъ брать въ каждомъ мѣстѣ. Настоящее апплодированіе не есть простое хлопанье въ ладоши; различные оттѣнки апплодисментовъ безконечны. Для начала есть, напримѣръ, вырывающіяся, какъ-бы невольно, слова: «Хорошо, очень хорошо!» Далѣе слѣдуетъ громкое, единичное и звучное «Браво!», испускаемое, по видимому, лицомъ, чувства котораго переполнились и которое не въ силахъ подавить своего волненія. Затѣмъ идутъ болѣе грубыя формы апплодисментовъ, начинающіяся съ легкаго особеннаго постукиванія ногами объ полъ, производящаго звукъ вродѣ отдаленнаго барабана; послѣ этого идетъ обыкновенное хлопанье руками и наконецъ «громовые апплодисменты», сопровождаемые оглушительнымъ топотомъ каб-

луковъ и стукомъ палокъ. Когда идетъ фарсъ, начальникъ клаци добавляетъ къ своимъ подчиненнымъ еще нѣсколько «смѣхуновъ», роль которыхъ своей неудержимой веселостью заражать зрите ей и вызывать у нихъ смѣхъ. Эти «смѣхуны», должны обязательно имѣть веселую внѣшность. Въ случаѣ какой-нибудь трогательной и сентиментальной мелодрамы нанимается извѣстное количество «плакальщицъ», которыхъ равномерно разсаживаютъ по всему театру. Въ надлежащій моментъ онѣ, безъ малѣйшей попытки скрыть свои чувства, начинаютъ отчаянно тереть платками глаза и шумно сморкаться.

Въ наше время «руководителемъ» клаци считается нѣкто Острягинъ, въ вѣдѣніи котораго находится правильно сорганизованная труппа клакеровъ.

Передъ бенефисомъ или параднымъ спектаклемъ Острягину дается «заказъ» на извѣстное число клакеровъ. Расчетъ производится тотчасъ же послѣ спектакля. И артистъ пользующійся клакою долженъ честно рассчитаться съ Острягинымъ, иначе... онъ рискуетъ быть опиканнымъ. Вѣдь клака—обоюдоострое оружіе! Тѣ-же лица, которые вчера восторгались этимъ артистомъ, могутъ сегодня же опикать его въ тѣхъ же аріяхъ. Существуютъ также и добровольцы-клакеры. Эти «работаютъ» не за деньги, а за контромарки.

«Нельзя-ли контромарочку на сегодня» — проситъ какой-нибудь «доброволецъ» артиста. При этомъ дается обѣщаніе «поддержать» при выходѣ и уходѣ со сцены.

Иксъ.

Артисты-мукомолы.

Интересную жапртовую картину можно было наблюдать въ отдѣльномъ кабинетѣ Сѣверной Гостиницы 19 Ноября въ десятомъ часу утра.

Сюда собралось около ста человекъ разношерстной публики, въ числѣ которыхъ можно было лицезрѣть множество маленькихъ и среднихъ актеровъ театра «Фарсъ», г. Казанскаго.

Въ изрядномъ количествѣ прибыли сюда и музыканты того-же театра во главѣ съ самимъ капельмейстеромъ.

Недоставало только инструментовъ и «концертъ» можно было-бы начать...

Было оживленно и весело.

Наконецъ, черезъ часа два появился самъ инициаторъ, такъ сказать «шефъ» этого собрания и приступилъ къ дѣлу...

— Господа, заявилъ онъ, вы, конечно, уже знаете, въ чемъ дѣло? Во все время засѣданія вы должны не спускать съ меня глазъ и если я буду голосовать «за», вы должны дѣлать то-же, если я «противъ» и вы «противъ»... А теперь—маршъ на Харьковскую улицу въ Калашниковскую хлѣбную биржу.

Толпа сразу загготала и двинулась къ выходу.

Теперь мы объяснимъ, что здѣсь дѣлали господа «артисты» Фарса. Въ тотъ-же день въ три часа дня открывался «Всероссійскій съѣздъ Мукомоловъ».

Доменико Дума.

Мукомолы, набравъ массу довѣренностей отъ всевозможныхъ провинціальныхъ мельницъ, которыя не имѣли представителей и довѣренныхъ въ Петербургѣ, рѣшили пабратъ ихъ временно здѣсь на мѣстѣ съѣзда съ платою по пяти рублей за каждое засѣданіе.

Случайно узналъ объ этомъ нѣкто изъ актеровъ „Фарса“, который не нашелъ ничего лучшаго, какъ пригласить сюда своихъ товарищей, благо у г. Казанскаго они уже привыкли исполнять всевозможныя „обязанности“... И г. Казанскій можетъ гордиться всесторонностью своихъ сношениковъ, которые, мы надѣмся, съ честью поддержать славу своего заведенія...

Оставляя въ сторонѣ этотъ рискованный „ангажементъ“ съ этической стороны, мы можемъ лишь сказать, что господа мукомолы нѣсколько переплатили, ибо за таковыя-же функціи фирма извѣстнаго гробовщика Шумилова беретъ за таковыхъ-же факельщиковъ отъ 50 до 75 коп. въ день, въ зависимости отъ пріятной и трезвой внѣшности и при своей обмундировкѣ.

А г. Казанскій со своей стороны можетъ получить извѣстный доходъ и съ этого амплуа господа „артистовъ-мукомоловъ“, поставивъ ихъ уже самъ, куда только потребуется и за хорошую плату... Оптомъ и въ розницу.

Очевидецъ.

«Театръ—отецъ, театръ—мнѣ мать»

Воспоминанія артиста А. З. Бураковского за 50 лѣтъ.

Не удивляйтесь названію страничекъ моихъ воспоминаній. Я игралъ извѣстный старинный водевилъ; авторъ его, актеръ Московскаго Малаго театра сороковыхъ годовъ, Ленскій, давно уже умеръ. Онъ передѣлалъ этотъ водевилъ съ французскаго на русскіе нравы и такъ удачно,

А. З. Бураковский.

Авторъ «Воспоминаній артиста».

что если бы самъ онъ не указалъ петочника, то я убѣжденъ, что никому бы въ голову не могло придти, что водевилъ этотъ не оригинальный. Кто впрочемъ не знаетъ этого водевиля—онъ и до сихъ поръ играется на всѣхъ театрахъ, — «Левъ Гурычъ Синичкинъ, съ куплетами въ 5-ти дѣйствіяхъ». Главное дѣйствующее лицо водевиля, актеръ Синичкинъ поетъ такой куплетъ:

Театръ отецъ—театръ мнѣ мать,
Театръ мое—предназначенье,
И, съ позволенія сказать, и т. д.

Такъ вотъ и для меня—теперь театръ—отецъ и мать, и я—актеръ, съ позволенія сказать,—ровно 50 лѣтъ. Легко выговорить,—но трудно пережить 50 лѣтъ—и на частныхъ сценахъ—это дѣло не легкое, а главное ни чѣмъ и ни кѣмъ не обезпеченное. Казеннымъ артистамъ, хоть по крайней мѣрѣ устраиваютъ какія нибудь чествованія, а мы провинціальныя—объ насъ никто не думаетъ—да и кому думать-то? Наша публика — не одинъ какой нибудь городъ—а прямо карта Россіи. 27 декабря 1908 года окончится полъ-столѣтіе моего служенія сценѣ. Гдѣ, только не былъ я за это время? Кромѣ нашихъ двухъ столицъ, я исколесилъ нашу матушку Россію, какъ говорится — вдоль и поперекъ, «отъ хладныхъ финскихъ скалъ и т. д.» Заграницей пришлось быть только одинъ разъ въ 1889 г. на выставкѣ въ Парижѣ, и по дорогѣ туда побывать въ Вѣнѣ, и въ Цюрихѣ. Совершилъ я всѣ путешествія свои въ полъ вѣка. За такое продолжительное скитаніе по бѣлу свѣту, понятно, я приобрѣлъ громадное количество знакомыхъ, имѣлъ друзей, встрѣчался съ оригинальными типами потому, что мнѣ приходилось обобщаться съ публикой—самыхъ различныхъ классовъ: у меня было знакомство начиная, такъ сказать, съ самыхъ мелкихъ сошекъ и кончая представителями высшихъ классовъ общества.

И, вотъ, я полагаю, что печатая свои странички театральныхъ воспоминаній—могу хотя немного заинтересовать ту часть публики, которая интересуется театромъ вообще, актерами въ частности, а театральной публикой въ особенности. «Итакъ мы начинаемъ», какъ поется въ прологѣ оперы Леонкавалло.

Первый разъ на сцену я выступилъ 27 декабря 1858 года. Это было въ Петербургѣ — въ театрѣ, такъ называемомъ Мраморномъ Домѣ—который находился на Гагаринской и принадлежалъ знаменитой — родовитой аристократкѣ графинѣ Суворовой-Рымникской.

Спектакль этотъ былъ чисто любительскій—играли не актеры, а любители. Публика, конечно безилатная и состояла изъ самаго фешенебельнаго общества. Зрительный залъ представлялъ соббою цвѣтникъ красавицъ.

Изящныя барышни, барыни—разодѣтыя въ богатые парижскіе туалеты — разукрашенные брилліантами, мужчины—статскіе во фракахъ, а военные—все больше гвардія — въ парадныхъ мундирахъ. Словомъ—когда вышелъ я на сцену—блескъ и парадность зрительнаго зала на меня подѣйствовали ошеломляющимъ образомъ.

Игралъ я одноактный водевилъ съ куплетами соч. П. И. Григорьева передѣланный имъ изъ комедіи Шеридана «Школа злословія».

Назывался этотъ водевилъ: «Еще комедія съ дядюшкой».

Впослѣдствіи изъ этого водевиля «Театральный Нигилистъ» (псевдонимъ критика и писателя А. А. Соколова) сдѣлалъ большую комедію: «Наслѣдство золотопромышленника» — идущую до сихъ поръ въ провинціи, а въ Петербургѣ она была играна на Александринскомъ театрѣ въ 70 годахъ.

Я игралъ въ водевилѣ роль племянника Александра.

Понятно, роль мною выучена была, что называется, на зубокъ, или, какъ еще говорится, зналъ я ее—какъ «Отче нашъ» И, что же? Вышелъ на сцену—растерялся, напалъ на меня страхъ, волненіе. Поревиралъ текстъ неимоვნно.

Но это продолжалось не долго — овладѣвъ собой—все таки вышелъ побѣдителемъ, и вызывали меня безъ конца. Спектакль окончился—графиня меня пригласила къ себѣ.

Вошелъ ко мнѣ въ уборную лакей:

— Ея сіятельство—васъ проситъ пожаловать къ ней откушать чаю.

Графиня меня встрѣтила очень любезно и все время осыпала меня комплиментами—хваля мою игру.

— Вы еще учитесь? спросила.

— Да, я учусь.

Она познакомила меня съ графомъ Кушело-вымъ-Безбородко, этотъ послѣдній представилъ сына своего. Просидѣлъ я въ ложѣ болѣе двухъ часовъ, затѣмъ распрощался и уѣхалъ домой—упоенный своимъ успѣхомъ.

Сѣвъ на извозчика я думалъ:

— Вотъ сейчасъ услыхалъ я такъ много хвалебныхъ гимновъ за свой первый выходъ на сцену. Какъ бы пріятно мнѣ было подѣлиться съ своими родными этой радостью. Но увы—это было невозможно. Отецъ не хотѣлъ слышать что-бы я сдѣлался актеромъ! Стало быть могу ли я рассказать все то, что произошло со мной? Конечно нѣтъ. Да этого мало еще, я не смѣю ему сказать—гдѣ былъ,—долженъ что нибудь сочинить, а то покоя не дадутъ—будутъ преслѣдовать насмѣшками. Да, тяжело!

Надо молчать и терпѣть! Окончу ученіе, сейчасъ же уйду на сцену.

Не бывать бы счастью, да несчастье помогло. Ровно черезъ годъ послѣ спектакля у графини я получилъ отъ директора Богоявленскаго коммерческаго училища, гдѣ воспитывался, предложеніе устроить на Рождествѣ публичный спектакль—для воспитанниковъ и ихъ семействъ. Такое предложеніе я принялъ съ восторгомъ. Рѣшилъ поставить «Ревизора», взялъ себѣ роль городничаго, сыгралъ ее такъ, что меня вызвали на другой день къ директору — и... попросили оставить училище навсегда.

— Вы, Бураковский, сказали мнѣ директоръ, вы будете прекраснымъ актеромъ,—а коммерсантомъ никакимъ. Въ вашихъ монологахъ по поводу учителей вы оскорбили начальство и васъ рѣшили уволить.

Разговоръ былъ этотъ коротокъ,—но ясенъ. Отъ родителей мнѣ, понятно, досталось,—но фактъ совершился — и я сталъ свободнымъ гражданиномъ.

— Что же дѣлать? Куда идти? задавалъ я самъ себѣ вопросы. Меня тянетъ къ сценѣ,—а отецъ не желаетъ, и все требуетъ, что бы я держалъ экзаменъ въ юнкерское училище и сдѣлался бы офицеромъ. Я отцу не давалъ согласія на его желанія, и все думалъ о томъ, какъ бы попасть въ провинцію. И, въ ожиданіи этой артистической карьеры—игралъ съ любителями въ театрѣ «Пассажъ», затѣмъ въ Арачевскихъ казармахъ, въ Кронштадтѣ.

Все это меня не устраивало: я жаждалъ званія провинціального актера. Приближалось лѣто. Я отправился къ сыну графа Кушело-Безбородко—у него на набережной—въ мѣстности такъ называемой Полюстрово, былъ свой собственный чудный театръ въ паркѣ. Зная, что графъ самъ большой любитель театра рѣшилъ убѣдить его ставить лѣтомъ спектакли. Онъ, выслушавъ меня, пошелъ на встрѣчу моей идее, и мы, собравъ труппу, открыли тамъ спектакли.

Ужъ, какъ повезетъ, такъ со всѣхъ сторонъ начнетъ вести.

Послѣ двухъ спектаклей явился ко мнѣ молодой человекъ.

— Вы, Бураковский?—сказалъ онъ мнѣ.

— «Позвольте представиться, я артистъ Императорскихъ театровъ, Леонидъ Ивановичъ Соколовъ. Желалъ бы поговорить съ вами относительно ангажемента въ провинцію».

Услыхавъ эту фразу—обмеръ я отъ радости; все бросивъ, повелъ Соколова въ укромное уютное мѣстечко парка и сталъ его подробно разспрашивать. Беседа наша продолжалась не болѣе часа и я принялъ предложеніе на службу въ Тифлисъ—къ директору, князю Туманову. Меня пригласили на двѣ должности, на обязанности суфлера и на маленькія роли.

2 Мая 1867 года я уже сидѣлъ въ вагонѣ на Николаевской желѣзной дорогѣ и ѣхалъ въ Тифлисъ—съ молодыми артистами Императорскаго Александринскаго театра.

Тутъ ужъ я считалъ себя присяжнымъ настоящимъ провинціальнымъ артистомъ.

— Какая прелесть!—думалъ я въ это время,

сиди у окна въ вагонѣ. Наконецъ то я актеръ! Какое счастье! Какая радость!

Но... вотъ теперь, по прошествіи пятидесяти лѣтъ, я познакомлю читателей — какова эта счастливая и прелестная жизнь провинціального актера! Мечты, мечты—гдѣ ваша сладость! Вотъ, что я могу сказать —въ годъ своего пятидесятилѣтія на сценѣ!

Пріѣхали въ Тифлясь. Я былъ суфлеромъ, иногда игралъ маленькія роли. Въ труппѣ нашей я былъ моложе всѣхъ, и совершенно неопытный. Пользуясь этимъ —меня угнетали, преслѣдовали всѣ—кому не лѣнь, озлобляли и портили мнѣ характеръ. Ругали зря—придирались безъ всякихъ причинъ, но я выносилъ и терпѣлъ все, потому что любилъ и уважалъ то искусство, которому я посвятилъ себя.

Все мѣстное тифлисское общество къ артистамъ относилось мило, симпатично. Вся труппа приглашалась на журфиксы къ губернатору по субботамъ. Тутъ я вошелъ въ большую дружбу съ сыномъ губернатора О—имъ, и съ товарищемъ прокурора К—омъ. Этотъ послѣдній воспитывался въ правовѣдѣніи вмѣстѣ съ артистомъ Каменскимъ, который играетъ сейчасъ въ труппѣ Тумпакова. Вотъ кстати о Каменскомъ—настоящая фамилія его Бантышъ-Каменскій—это единственный и послѣдній представитель рода Бантышъ-Каменскихъ.

И такъ продолжаю дальше:

Какъ сынъ губератора О—скій, и товарищъ прокурора К—ичъ — любители кутнуть и повеселиться; былъ еще у насъ въ компаніи и судебный приставъ татаринъ Г. Сына губернатора мы иначе не называли какъ: «душа общества».

— Ну, что же, душа общества,—какъ то разъ сказалъ Н. И. Арди — сегодня такая чудная погода, свѣтлая лунная ночь, недурно бы устроить пикникъ!

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало? Я отъ хорошаго предложенія никогда не прочь! Соберите компанію—назначайте мѣсто свиданія—вотъ вамъ и все.

Рѣшили собраться въ саду «Монъ-Плезиръ» —оттуда поѣхать въ «Муштадъ», а затѣмъ, для финала, посѣтить нѣмецкую колонію.

Пикникъ этотъ устроился;—въ началѣ онъ былъ веселый, но окончился очень печально. Къ счастью, товарищъ прокурора не былъ съ нами на пикникѣ, но за то онъ принималъ участіе въ качествѣ обвинителя въ окружномъ судѣ—всѣхъ насъ за тѣ дѣянія, которыя мы совершили въ финалѣ нашей поѣздки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Артистъ театра „Пассажъ“
Николай Петровичъ Нировъ.

Какъ я поступала въ школу Суворина.

(Изъ дневника артистки).

Лѣто прошло однообразно, тоскливо, уныло. Ежедневные спектакли, надоевшій репертуаръ, отсутствіе книгъ и людей...

Прошла осень.

Открылась школа Суворина.

Вѣдь это счастье! Вѣдь это можетъ быть ступень въ Малый театръ.

Я зашла за свѣдѣніемъ. Ихъ давалъ секретарь школы, человѣкъ милый, простой. Онъ влилъ въ меня бодрость.

«Что, служите на сценѣ? Это ничего. Это не можетъ быть причиною неприема въ школу; мало-ли кто гдѣ служитъ; наконецъ, это просто средство къ существованію!»

Я подала прошеніе, взяла уставъ. «О днѣ экзамена мы васъ извѣстимъ!»

И меня извѣстили. Повѣстка пришла за день до экзамена.

Я заволновалась. Что одѣть? Хотѣлось выглядѣть возможно проще и скромнѣе.

Конечно, лучше всего черное! Но гдѣ его взять? Ахъ, все равно, все равно! Одѣну первое, что попадется.

О, этотъ день!

Я встала въ 8 час.—а въ 9 была уже въ школѣ. Группа дѣвушекъ и подростковъ... Онѣ всѣ болтали, волновались и надѣялись быть въ числѣ «40», какъ рассчитана была раньше школа.

Всѣ боялись Савиной, но она не пріѣхала. Слава Богу! Вечеромъ шла «Гроза» и она готовилась.

Вызывали по алфавиту.

И вотъ вошла я. Сердце билось, въ виски стучало; лицо горѣло.

Я даже не догадалась поклониться. Весь ареопагъ, сидѣвшій за столомъ, слился въ одно пятно.

«А, вы играли? Гдѣ? Въ провинціи? Значитъ вы актриса? А теперь будете служить здѣсь? Но зачѣмъ-же вамъ учиться? Хотите быть артисткой «со школой»? Но какъ-же вы будете совмѣщать школу и театръ.

«Я буду рѣдко занята».

«Пожалуйста, прочтите!»

Я направилась къ эстрадѣ.

Все приготовленное мигомъ вылетѣло изъ головы. Мелькала мысль: они всѣ деликатные, милые, внимательные; но я актриса и меня не примутъ, не примутъ!

Я повернулась у самой сцены.

«Можетъ быть мнѣ не слѣдовало вамъ говорить, что я актриса, но я подумала, что лучше сказать правду!»

„Въ отвѣтъ слышалось: конечно, конечно!“

З ступеньки и я на эстрадѣ.

Все внутри дрожало... стѣпы, окна и ареопагъ—все заходило передъ глазами. Боже, что же начать? Стихи, прозу? Да конечно, прозу...

Я начала монологъ и вдругъ остановилась, забыла... Проходитъ нѣсколько секундъ паузы, я напрягаю всю память и иду дальше...

Но я уже тороплюсь, комкаю... движенія рѣзки... взгляды, направленные на меня, уничтожаютъ меня... Я кончила. Наступило ужасное молчаніе...

И вдругъ меня пронизалъ жгучій стыдъ.

Зачѣмъ я рѣшила экзаменоваться?! Заставить слушать себя всѣхъ сидящихъ здѣсь людей, людей извѣстныхъ, съ именами, всю

эту аристократію современнаго театра, артистовъ, критиковъ, журналистовъ,—какъ каждый изъ нихъ сойчасъ презираетъ меня... зачѣмъ я срамилась?

Я ждала отрывка по назначенію, который должна была прочесть экспромтомъ.

Кто-то сказалъ: „лирическое стихотвореніе“. „Да нѣтъ, ничего не надо“—отозвался съ другого конца, „вѣдь это актриса, вѣдь это-же законченная актриса!“

„Боже мой!“—подумала я... „что-же это, похвала или порицаніе? Конечно, порицаніе“...

Дѣлать на эстрадѣ болшо нечего. Я спускаюсь и подхожу къ столу.

„Мы васъ извѣстимъ!“ Я кланюсь, направляюсь къ двери. За мной слѣдомъ идетъ секретарь вызывать слѣдующую.

„Ну что“—кинулась я къ нему,—„какъ? Плохо?“

— Нѣтъ, хорошо.

— Я буду принята? Буду!? Какой восторгъ! Голубчикъ, какой вы хорошій! Я схватила его за руки: „О, я готова васъ поцѣловать!“

Онъ засмѣялся въ отвѣтъ хорошимъ сердечнымъ смѣхомъ; казалось, онъ раздѣлялъ радость, охватившую меня.

Я одѣваю пальто, иду по Невскому медленно, тихо улыбаясь своимъ мыслямъ, своей радости, своимъ мечтамъ. Но внутри еще все кипитъ отъ пережитаго волненія. Хочется не то заплакать, не то засмѣяться, не то закричать. Я стояла у Казанскаго собора.

Идти домой я была не въ силахъ; засѣсть въ 4 стѣны — невозможно! Мое настроеніе разрывало меня, ища выхода.

* * *

Прошла еще недѣля.

Я томилаcь неизвѣстностью и не могла сидѣть дома. Меня носило по театрамъ.

Наконецъ экзамены кончились. Прошелъ день—извѣстій не было, потомъ еще день... Я спрашивала у швейцара письма, но его не было... Надежда дѣлалась все меньше и меньше... Я напрасно цѣплялась за воспоминанія о словахъ, такъ утѣшавшихъ меня. Надежды не было и стало жутко.

Вечеромъ какъ-то я не выдержала и пошла въ школу.

Проходя мимо магазина Daziaro, я задумала: если сразу увижу Мадонну Каульбаха, то значить меня прняли. Я подняла глаза, сердце дрогнуло,—на меня глянулъ скорбный ликъ Богоматери.

Почему я обожаю эту гравюру? Я иногда чувствую всю міровую скорбь въ ея катящейся слезѣ. Это дѣтское личико съ глазами, полными материнской муки. Въ этихъ глазахъ и скорбь, и отчаяніе, и ужасъ предъ неизвѣстностью и безпредѣльной кротостью.

Я отошла отъ окна.

Но вотъ и школа. Я обратилась къ швейцару.

Что? Повѣстки уже посланы? Да?

А въ школѣ есть кто нибудь?

Да, еще много.

Развѣ подняться и узнать все сразу?

Но нѣтъ, стало страшно, а вдругъ... пусть пройдетъ еще ночь въ неизвѣстности: пріятное извѣстіе узнать позже ничего не значить, а неприятное всегда узнать успѣю.

Однако, эта философія мнѣ не помогаетъ и ночь я сплю плохо. А утромъ... Утромъ мнѣ подають повѣстку и, прочитавъ ее, я вижу вдругъ, что подо мной нлываетъ кровать, стѣны уходятъ, потолокъ завертѣлся. Я прочитала еще разъ, другой... Что же это?

«Приняты быть не можете».

Не можете, не можете, кричало въ ушахъ, стучало въ вискахъ, мелькало въ глазахъ...

Нѣтъ, невозможно! Это ошибка!

Въ 10 минутъ я была одѣта и помчалась на извозчикѣ, взлетѣла по лѣстницѣ и была въ школѣ.

— Что угодно?

— Пожалуйста секретаря, важное дѣло.

— Онъ занятъ, обождите.

Я присѣла на стулъ, сердце дрожало, въ горлѣ стояли слезы, руки горѣли. Нѣтъ, сидѣть я не въ силахъ. Проходить 5, 10, 15 минутъ; часы быють 12, затѣмъ тишина. Внутри такая мука, такая трсвога, что хочется сдѣлать себѣ фазическую боль. Я потихоньку начинаю ломать пальцы. Вдругъ шаги... Ахъ, секретарь!

— Что не приняли? Нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Почему?—а слезы бѣгутъ изъ глазъ, кутуть лицо, попадаютъ въ ротъ...

— Почему?

— Уставъ не позволяетъ. Вы играете въ «Фарсъ», а этого нельзя.

— Значить мнѣ не надо было говорить вамъ правды? Значить это непоправимо? Значить нѣтъ выхода...

— Нѣтъ, есть: оставьте службу.

— Но жить вѣдь ночѣмъ! А я бы съ радостью бросила. Вѣдь я поступила туда, чтобъ жить въ Петербургѣ, чтобъ учиться, чтобъ совершенствоваться...

Все погибло. Прощай мечты!..

* * *

Я вышла на улицу, хотѣлось скрыть слезы. Сѣсть въ конку, что-ли? «Что же дѣлать?»—стояло въ головѣ. Что? Просить, стучаться, ходить и можетъ быть безплодно унижаться? Принято 63 человекъ, а я нѣтъ. А вѣдь мнѣ это необходимо, чѣмъ имъ всѣмъ, пожалуй. Я вѣдь уже выброшена за бортъ; я актриса, плохая или хорошая, но мнѣ нѣтъ жизни, кромѣ сцены и интересовъ, кромѣ искусства.

Я выхожу изъ конки и бреду домой, какъ избитая собака, и поднявшись въ свою комнату, падаю на колѣни у кровати и зубами вцѣпляюсь въ подушкп. Я хочу заглушить стоны своей наболѣвшей души, а со стѣны смотритъ на меня моя Дѣвочка и Ея кроткая улыбка удесятеряетъ мою муку...

И всекакивакъ, хожу по комнатѣ, останавливаюсь у открытаго окна и машинально свѣшиваюсь въ него... Свѣсившаяся голова наливается кровью, кружится, мнѣ дѣлается дурно и я съ усиліемъ отхожу отъ окна.

Что же дѣлать, что дѣлать? Я вспоминаю какую-то птицу... Она попала въ клѣтку и хотѣла вырваться. Она билась о стѣны клѣтки, но вырваться не могла; а клѣтка была изъ проволоки и каждый разъ птица ударялась о прутья и ранила себѣ крылья, и царапала грудь... И каждый день она такъ билась, не теряя надежды вырваться и подняться къ яркому солнцу. Но къ вечеру она лежала изнеможенная на полу клѣтки, ея глаза были полужакрыты, она вся вздрагивала, изъ ея ранъ точилась кровь, а въ груди было только одно желаніе—умереть...

Бѣдная птица! Неужели ты никогда не увидишь солнца? Неужели ты никогда не уйдешь изъ клѣтки? Что мнѣ до тебя? Но я люблю тебя. Милая птица—ты сестра моя....

* * *

Чего я такъ стремилась въ школу? Чего я хотѣла? Конечно, главнаго—атмосферы искусства, атмосферы сценическихъ интересовъ, помимо лекцій и практическихъ занятій, помимо желаній быть «актрисой со школой».

Я принимаюсь себя банально утѣшать: если я талантъ, то всегда пробьюсь, если бездарность—погибну; значить туда мнѣ и дорога... Я вѣдь въ себѣ не увѣрена, вѣчно колеблюсь...

А эти люди!.. Развѣ ты раньше не узнала ихъ, развѣ не страдала отъ ихъ равнодушія, небрежности, сытости? Развѣ ты не поняла, что если ты даже добьешься дебюта, если ты разорвешь свою грудь и бросишь имъ трепещущее сердце, священный огонь, душу, если ты разольешь имъ океанъ пламени, то и тогда они не выйдутъ изъ своего олимпійскаго индифферентизма...

Звонокъ? Ко мнѣ? Просятъ на репетицію? Сейчасъ пріѣду.

И я иду, что-то дѣлаю, а въ мозгу сверлитъ одна мысль: птица изъ клѣтки никогда не улетитъ...

Вѣра К.-Корецкая.

Наши интервью.

II.

Исторія одной антрепризы.

Бесѣда съ Ризой Нордштрёмъ.

Талантливая артистка держала въ лѣтнемъ сезонѣ антрепризу въ Тифлисѣ. Антреприза эта, несмотря на всѣ старанія, была очень неудачной и кромѣ огорченій и расходовъ ничего не довела симпатичной директрисѣ.

Подробности злополучной антрепризы сообщила намъ г-жа Р. Нордштрёмъ, желая съ одной стороны правильно освѣтить всю эту исторію (а въ особенности опровергнуть нелѣпые слухи о казенной субсидіи), а съ другой — показать заинтересованнымъ лицамъ какъ «поощряется» инициатива частныхъ лицъ тѣми, чья прямая обязанность содѣйствовать процвѣтанію русскаго театра на Кавказѣ.

— Я гастролировала въ «Олимпіи», рассказывала намъ Риза Фердинандовна, — когда мнѣ сообщили, что со мною желаетъ познакомиться директоръ казеннаго тифлискаго театра, полковн. Акимовъ. Полковникъ съ первыхъ же словъ, рассыпаясь предо мною въ комплиментахъ, предложилъ мнѣ свѣтъ казенный тифлисскій театр.

— «Вы получите, — говорилъ онъ, — отъ 15 — 20 тыс. субсидіи, получите театр, бібліотеку, военный оркестръ, бутафорію, статистовъ — словомъ все, что нужно. Ваша должна быть только труппа, оркестръ — и больше ничего».

— Я не буду затруднять Вашего вниманія рассказомъ о томъ, сколько трудностей, затратъ и хлопотъ мнѣ пришлось преодолѣть прежде, чѣмъ удалось составить приличную труппу. Я не буду вамъ рассказывать также, какъ для того, чтобы осмотрѣть театр моему мужу нужно было бросить службу въ Петербургѣ и отправиться въ Тифлисъ, гдѣ его встрѣтилъ главный директоръ казеннаго театра генералъ Роде, который такъ много набѣздывалъ намъ содѣйствія и который послужилъ чуть-ли главной причиной того, что антреприза лопнула.

Скажу вамъ только, что я составила дивную труппу, въ составъ которой вошли 4 баса, 4 тенора, 4 баритона, 4 компримарію, 5 пѣвицъ, не считая меня. Расходъ на труппу опредѣлился въ 18 тыс. рублей.

Съ директоромъ театра, генераломъ Роде, мы заключили условіе, по которому уплачивали: за сборъ до 700 р. — 75 р. со спектакля; за сборъ до 900 р. — 100 р.; выше 1000 р. — 150 рублей. И такъ наступаетъ день генеральной репетиціи. Нашъ теноръ, Лугарди пѣлъ на репетиціи такъ, что, говоря безъ увеличенія, ему апплодировалъ оркестръ. Назначенъ «Фаустъ» со мной въ роли Маргариты.

Лугарди выходитъ на сцену и начинаетъ

пѣть свою арію такъ, что я, стоя за кулисами, похолодѣла отъ ужаса. Это было не пѣніе, — это былъ ужасный крикъ, ревъ, вопль, — все что хотите, только не пѣніе. Объяснялось дѣломъ, что артистъ не соразмѣрилъ своихъ силъ... и растратилъ ихъ на репетиціи.

Сборъ былъ громадный, но такихъ же размѣровъ достигъ и скандалъ благодаря Лугарди. Публика свистѣла, шишѣла.... Мой выходъ.... Сразу же устанавливается та незримая симпатія, которая чувствуется только артистомъ на сценѣ, когда онъ встрѣчаетъ сочувствіе публики. Я пользовалась большимъ успѣхомъ. Спектакль

Премьерша Екатерининскаго театра
Риза Фердинандовна Нордштрёмъ

кое-какъ прошелъ.

На завтра во всѣхъ газетахъ посыпалась отчаянная ругань по моему адресу, какъ антрепренерши, и самые лучшіе отзывы о моемъ пѣніи.

На второй день сборъ значительно упалъ, на третій еще болѣе и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Въ довершеніе всего эти бомбы, эти безконечныя бомбы, которыми былъ наполненъ весь Тифлисъ и которые терроризовали весь городъ. Не до театра тутъ было!

Наконецъ дошло до того, что сборовъ почти совсѣмъ не стало. Дирекція театра потребовала отказа нѣсколькимъ артистамъ. Пришлось подчиниться. За первые же 1/2 мѣсяца не хватило уплатить артистамъ 1000 руб. Но дирекція мнѣ помогла. Чтобы пополнить труппу я выпиываю гастролершу, Лену Стокленъ. Соглашается, беретъ авансъ, но къ сроку... присылаетъ телеграмму, что больна и поетъ въ это время въ Кіевѣ. Тогда выпиываю Ванъ - Брандтъ.

Приходится передѣлывать репертуаръ. Благодаря этому — плохіе сборы. Шесть недѣль пробыли безъ репертуара! Наконецъ пріѣзжаетъ Ванъ-Брандтъ. Назначается первая гастроль. Публика валомъ — валитъ въ театр: полный сборъ... Но Ванъ-Брандтъ заболѣваетъ и мы возвращаемъ деньги обратно! На второй день пріѣзжаетъ... Лена Стокленъ!! Ванъ-Брандтъ поетъ и дѣлаетъ сборы, какъ вдругъ въ газетахъ разгорается полемика изъ — за того, что кто-то сравнилъ Ванъ - Брандтъ съ пѣвицей Фостремъ и нашелъ ее лучше послѣдней. Надо сказать, что г-жа Фостремъ — жена главнаго директора казеннаго театра, генерала Роде. Но генералъ Роде не можетъ допустить, чтобы «какая-то» Ванъ-Брандтъ пѣла лучше его жены — и требуетъ немедленнаго удаленія Ванъ-Брандтъ.

— Но г-жа Ванъ-Брандтъ дѣлаетъ сборы — говорила я генералу Роде.

«Удалите Ванъ-Брандтъ, или театръ будетъ закрытъ» — повторялъ мужъ г-жи Фостремъ. Пришлось подчиниться.

Выписываю пѣвцовъ Гонзаго и Вентура.

Пользуются успѣхомъ, но сборы не дѣлаютъ. Ко дню уплаты жалованья не хватило для расплаты съ артистами 900 рублей, и спектакль, который долженъ былъ дать сборъ былъ сорванъ.

Въ краткихъ словахъ расскажу окончаніе этой печальной антрепризы. Субсидіи мы не получили ни копѣйки Хоръ и мелкіе артисты получили все сполна. Остались позаплаченными гроши крупнымъ артистамъ, которые составили товарищество... и быстро прогорѣли. Я не за-работала на этомъ дѣлѣ ни копѣйки, не смотря на всѣ заманчивыя обѣщанія полковника Акимова и генерала Роде. И все это благодаря скверному отношенію дирекціи, которая не нашла возможнымъ подлѣржать меня въ нужный моментъ.

Оріонъ.

* * *

Какъ бѣлая чайка надъ моремъ кружится

И вдаль улетаешь, сверкая крылами,
Такъ бѣдное сердце порою томится,
Играя пустыми словами...

Разбитую лодку пригнало волнами
И тихо качается...

А бѣдное сердце смирилось съ годами,
Но, втайнѣ, страдаетъ...

Н. Гардъ.

Кого нужно... «высѣчь».

(Инцидентъ съ г. Полонскимъ).

Въ газетахъ промелькнула замѣтка: артисты «Пассажа», возмущенные уходомъ г. Полонскаго изъ театра «Пассажъ» въ «Буффъ», рѣшили подвергнуть этого артиста... тѣлесному наказанію. Замѣтка, конечно, вздорная — никто ей не повѣрилъ, — какъ и вообще всему тому, что пишетъ газета, пустившая этотъ слухъ. Но замѣтка послужила темой горячихъ дебатовъ за кулисами въ теченіе нѣсколькихъ дней. Поступокъ г. Полонскаго разбирался и такъ и этакъ, а потому мы (признаться, безъ особеннаго удовольствія) возвращаемся къ нему. Г-нъ Полонскій въ срединѣ сезона бросилъ одного антрепренера и перешелъ къ другому. Что онъ сдѣлалъ дурного? Нарушилъ условіе, контрактъ? Оставилъ труппу безъ комика? Такъ вѣдь всякому, кто немножко слѣдитъ за театрами, казалось по меньшей мѣрѣ страннымъ то обстоятельство, что, состоя въ труппѣ г. Вилинскаго, талантливый комикъ *ни разу не выступалъ* со дня открытія театра и по день его ухода къ П. В. Тумпакову! А между тѣмъ театръ, насколько намъ извѣстно, дѣлалъ и продолжаетъ дѣлать сборы. Стало быть, сила была не *въ имени* Полонскаго, которое фигурировало въ составѣ труппы «Пассажа». Точно также и «Буффъ». Онъ также дѣлалъ сборы и безъ Полонскаго, какъ будетъ ихъ дѣлать съ Полонскимъ. Нарушенъ контрактъ — такъ г-нъ Вилинскій могъ-бы взыскать съ г. Полонскаго неустойку. Намъ рассказывали, что г. Полонскій уклонился отъ подписанія контракта и, якобы, даже и не подписалъ его съ г. Вилинскимъ. Послѣдній не долженъ былъ «наивничать»... а брать примѣръ съ П. В. Тумпакова, который для не протерпѣлъ артиста безъ контракта.

Въ труппѣ г. Вилинскаго есть превосходный комикъ, г. Нировъ. Говоря безъ преувеличенія, г-ну Нирову предстоитъ впоследствии занять амплу г-на Полонскаго. Артистъ умѣющий изъ ничтожной роли (какова роль капельмейстера въ «Торреадорѣ») создать чуть-ли не типъ — такой артистъ достоинъ участіи лучшей, нежели участіе г. Нирова въ театрѣ «Пассажъ». Да вѣдь есть тамъ и еще одинъ «комикъ», г. Дальскій! И хотя комическій талантъ г-на Дальскаго также не великъ, какъ и его голосовыя средства, но... изъ него можетъ впоследствии выработаться приличный комикъ! И такъ, г. Вилинскій ничего въ сущности не потерялъ съ уходомъ Полонскаго. Выигралъ-ли П. В. Тумпаковъ? На нашъ взглядъ — ничего. Въ труппѣ «Буффа» имѣется комикъ прекрасный, вдумчиво относящійся къ каждой своей роли, человѣкъ съ интеллигентно-развитымъ чувствомъ мѣры, артистъ никогда не впадающій въ шаржъ (чего нельзя сказать про Полонскаго) г. Кошевскій. А труппа «Буффа» не нуждалась въ увеличеніи своего персонажа. Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить то обстоятельство, что такія силы, какъ А. А. Гвоздецкая, исполняютъ роли, которыя (въ «Торреадорѣ» напримеръ), по плечу любой хористкѣ даже изъ

второстепенныхъ. Своимъ напоминаніемъ о Гвоздецкой я не хочу сказать, что артистку «затираютъ», но чтобы указать, что группа «Буффа» хороша и безъ Полонскаго, и.п.и, во всякомъ случаѣ, особенной нужды въ немъ тамъ не ощущалось. И такъ, одна сторона (такъ сказать «пострадавшій» г. Вилинскій) не пострадала, а другая — не выиграла. Кого же нужно... высѣчь? Какъ ни странно покажется на первый взглядъ... все такъ г-на Вилинскаго. И вотъ почему. Въ прошломъ году — намъ это достоверно извѣстно — три антрепренера, г.г. Тумпаковъ, Вилинскій и Казанскій, собравшись вмѣстѣ порѣшили... навсегда отказаться отъ услугъ г-нъ Полонскаго. Дѣло въ томъ, что артистъ былъ немалымъ по отношенію къ размѣрамъ своего гонорара, и антрепренеры дали другъ другу клятвенное обѣщаніе (это фактъ!) не брать Полонскаго, и такъ сказать, бойкотировать его...

Первымъ нарушилъ клятву А. В. Вилинскій — онъ же первый и пострадалъ. П. В. Тумпаковъ послѣдовалъ примѣру г. Вилинскаго, и мы не увѣрены въ томъ, что Полонскій не «измѣнитъ» и ему и перейдетъ къ Казанскому... если тотъ предложитъ ему тремя рублями больше П. В. Тумпакова. Время ужъ нынче такое «метаморфозное»: ко-ники измѣняютъ не хуже «первыхъ любовниковъ» (вродѣ Дальскаго), а бывшіе «первые любовники» (вродѣ того же Дальскаго) изъ себя лѣзутъ вонъ, чтобы быть похожими на «комиковъ».

Евгеній К.

Мимоходомъ.

„Есть многое на свѣтѣ, другъ Горацио“... многое и очень интересное, прибавимъ мы, чего не только нашимъ музеецамъ, но даже и нашимъ артистамъ не снилось.

Не снилось, напримѣръ, господину Баратову... Впрочемъ, объ этомъ дальше.

Прежде, чѣмъ приступить къ господину Баратову мы вернемся нѣсколько къ переживаемому нами моменту.

Мы говоримъ, конечно, о моментѣ въ жизни театра.

Начнемъ съ драмы. Въ драмѣ — драма. Драматическій театръ В. О. Комиссаржевской. Талантливый режиссеръ Мейерхольдъ. Режиссеръ, какихъ весьма и очень немного: одинъ — два и обчелся. Мейерхольдъ и Станиславскій — два полюса, двѣ противоположности, двѣ стихіи — огонь и ледъ, плюс и минусъ электричества, но два генія. Генія — и не иначе. Можно такъ или иначе относиться къ Мейерхольду, можно видѣть кажущуюся уродливую его постановку, но не признавать его гениальности — нельзя. Если искусство не будетъ двигаться впередъ — оно пойдетъ назадъ. Мертвой точки быть не можетъ. Пужны исканія и тотъ путь по которому пошелъ Мейерхольдъ, который *отыскалъ* Мейерхольдъ, путь этотъ есть нѣчто новое въ искусствѣ. Это — исканіе. Режиссеръ, который стремится къ этому исканію, къ этимъ новымъ путямъ въ искусствѣ — уже достоинъ того, чтобы быть выдвинутымъ изъ числа рядовыхъ режиссеровъ живущихъ и идущихъ по шаблону — рутинѣ.

Допустимъ, — Мейерхольдъ ошибался. Но... кто творитъ, тотъ всегда можетъ ошибаться. Лучше ошибаться, чѣмъ ничего не дѣлать! Допустимъ, постановки Мейерхольда уродливы. Но и Францъ Шукъ уродливъ своимъ „Nixenraub“, своимъ „Kentauch und Amor“, наконецъ, своимъ „Im Zauberwald“ — онъ прямо таки страшенъ и неосчитенъ! Вспомнимъ еще одинъ примѣръ изъ недавняго прошлого въ искусствѣ. Вспомнимъ знаменитые картонны Саши Шнейдера. Какъ уродливы, какъ непонятны были они для всѣхъ, кромѣ самого Саши Шнейдера! И какъ быстро сдѣлались они близкими сердцу всѣхъ, кого интересуеетъ искусство, кто любить

искусство, кто цѣнитъ каждое стремленіе, каждую попытку къ освобожденію отъ рутины. Постановки Мейерхольда — стремленіе къ идеалу и, какъ такое его можно было только приветствовать. Комиссаржевская — чуткая артистка, бросившая „казенщину“ съ ея мертвящимъ холодомъ. Интеллигентная, стремящаяся къ идеалу, свѣтлому будущему въ искусствѣ — она немислима (по крайней мѣрѣ, была!) безъ Мейерхольда. И вотъ эта дивная артистка поступаетъ опрометчиво, необдуманно и подкрѣпляетъ свою необдуманность — безтактичностью. Въ срединѣ сезона, какъ говорится, „вдругъ“, она не сама лично, а черезъ Бравича, не съ глазу на глазъ а при всей труппѣ... „отказываетъ“ г. Мейерхольда. Также какъ отказываютъ „отъ мѣста“ прислугу, рассчитываютъ лакея, пощенника и т. д. Превосходитъ что-то непонятное, чудовищное, до безобразія некорректное! Я пришла къ тому заключенію, пишеть приблизительно такъ г-жа Комиссаржевская въ „Русь“, — что постановки Мейерхольда... нехудожественны... „Я внезапно прозрѣла“... добавляетъ она. Полтора сезона артистка была слѣпа, полтора года она во всемъ соглашалась съ Мейерхольдомъ и только черезъ полтора года... она прозрѣла!

Свершилось чудо, совершилось явленіе имѣвшее мѣсто девятнадцать вѣковъ назадъ! Слепыя прозрѣваютъ, мертвые выходятъ изъ гробовъ, глухія начинаютъ слышать...

Странно, непонятно!

Но фактъ свершился — Мейерхольдъ разстался съ Комиссаржевской, соль испарилась изъ морской воды.

„Письма въ редакцію“ съ той и другой стороны прозвучали надгробными эпитафіями.

Что теперь будетъ ставить Комиссаржевская? Какимъ путемъ пойдетъ она? Вернется ли къ тому хорошо утрамбованному шоссе на пути Гнѣдичей, Кариовыхъ, и имъ подобныхъ, или поведетъ по узкой, но оригинальной, новой тропинкѣ Мейерхольда?

Все это вопросы, отъ которыхъ зависитъ точка зрѣнія на поступокъ Комиссаржевской.

Инцидентъ № 2.

Сонѣмъ изъ другой сферы. Изъ той сферы, гдѣ запросы искусства опредѣляются „качельными трюками“, купаньями, всевозможными Рахмановыми, Тамарами и т. д.

Но и здѣсь имѣется своя этика, и здѣсь соблюдается „слово артиста“.

Только не всегда.

Въ рѣшительный моментъ, когда всѣ струны скрипки натянуты до крайности, одинъ колышекъ начинаетъ „сдавать“, начинаетъ медленно, но неизмѣнно раскручиваться въ обратную сторону.

И какъ вы не вертите его, онъ, все продолжаетъ раскручиваться. Говорятъ, что хорошо помогаетъ, если на этотъ колышекъ „поплевать“.

Говорятъ, что помогаетъ.

Колышекъ — Полонскій. Скрипка — труппа Вилинскаго.

Предлагается скрипачу „поплевать“ на колышекъ.

И, наконецъ, инцидентъ № 3.

Малый театръ.

Баратовъ — Глаголинъ.

Поссорились два артиста. Два хорошихъ артиста. Оба они талантливы, оба въ труппѣ на роляхъ премьеровъ, оба могли бы прекрасно ужиться, но... оба мѣшаютъ другъ другу.

Баратовъ мѣшаетъ Глаголину, Глаголинъ — Баратову.

Произошла ссора. Ничтожный поводъ — и въ результатѣ чуть-ли не дуэль!

Какъ необходимый аксессуаръ — письма въ редакцію.

Баратовъ — письмо въ редакцію.

Глаголинъ — отвѣтъ на письмо Баратова съ опроверженіемъ.

Баратовъ — отвѣтъ на письмо Глаголина съ опроверженіемъ на предыдущее письмо Баратова.

Глаголинъ, — отвѣтъ на письмо Баратова съ опроверженіемъ на предыдущее письмо Глаголина, являющееся опроверженіемъ на первое письмо Баратова, которое было опроверженіемъ... и т. д. и т. д.

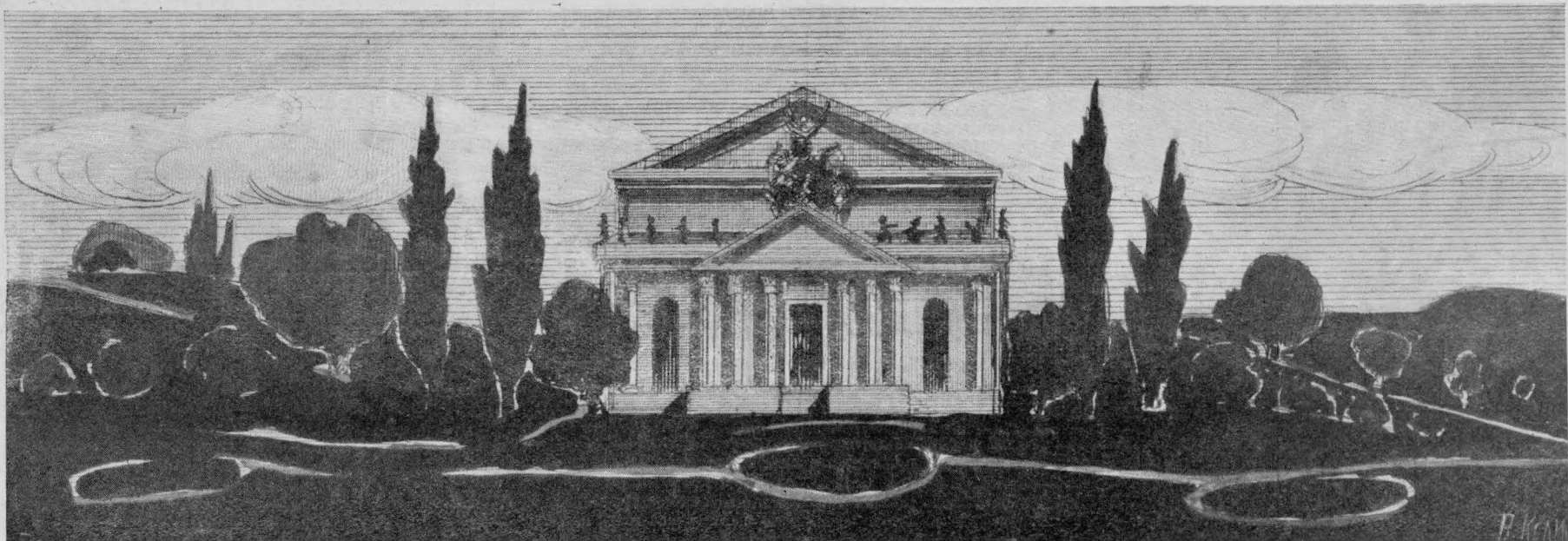
И такъ до безконечности, до абсурда.

Инцидентъ не исчерпывается одною ссорой. Баратовъ вызываетъ Глаголина на дуэль.

Не желая подвергаться случайностямъ, Глаголинъ отказывается, говоря, что не можетъ драться съ „не дворяниномъ“.

Баратовъ возмущенъ и начинаетъ „перемывать“... бѣлье Глаголина. „Помилуйте“, — возмущается Баратовъ, — да вѣдь въ прошлѣ году артистъ Кайсаровъ ударилъ Глаголина по щекѣ, Кайсаровъ — дворянинъ и Глаголинъ могъ драться съ нимъ на дуэли; однако онъ предпочелъ не драться, а перенести съ „иудейскимъ смиреніемъ“ эту оплеуху Кайсарова.

Признаться, до этого весьма „эффектнаго“ письма г. Баратова я весь былъ на его сторонѣ

ХРОНИКА.

въ инцидентъ съ г. Глаголинымъ. По прочтении этого письма... по принципу, становлюсь на сторону болѣе слабого.

Напомнимъ г-ну Глаголину инцидентъ съ Кайсаровымъ, Баратовъ былъ увѣренъ въ себѣ, былъ увѣренъ въ томъ, что ему, Баратову, ужъ никто не посмѣетъ сказать, что... и на его „щечкѣ“ горитъ слѣдъ одной очень звонкой оплеухи.

Овъ, вѣроятно, забылъ объ одномъ студенческомъ любительскомъ спектаклѣ въ Харькѣ.

Это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Ставили шиллеровскихъ „Разбойниковъ“, въ которыхъ Баратовъ, бывшій тогда студентомъ Бренеромъ игралъ Карла Моора.

Спектакль прошелъ блестяще и по окончаніи его, Мооръ—Бренеръ имѣвшій также большой успѣхъ, выйдя въ зрительный залъ, гдѣ въ это время происходили танцы, встрѣтился съ однимъ изъ участникомъ спектакля студентомъ Голубничимъ, который подошелъ вплотную къ Бренеру далъ ему всестороннюю пощечину.

Какъ реагировалъ на это студентъ Бренеръ? Онъ, закрывши руками лицо, съ дрожью въ голосѣ обратился къ собравшейся около него кучкѣ студентовъ: „Господа, да что же это такое, заступитесь за меня, иѣдь я ни въ чемъ не виноватъ...“

Но вѣдь это было давно, а Баратовъ услѣлъ объ этомъ и забыть. да кромѣ того, что такое одна „иудейски-смирненно“ перенесенная оплеуха въ сравненіи... съ иѣзностью хотя-бы?

И вообще, что такое „оплеуха“? Что означаетъ это странное слово? Припоминаю по этому поводу маленькій анекдотъ.

Гимназистикъ третьяго класса объясняетъ своему другу изъ перваго.

— Хочешь покажу, что такое „оплеуха“.

„Хочу“.

— Ну, держись...

Ревъ, крикъ шумъ... и объясненіе спустя 1/2 часа — Это видишь-ли, пишется „оплеуха“, выговаривается: „Пли въ ухо“, а чувствуется... вродѣ звона въ ухахъ.

Да не приметъ г. Баратовъ послѣдвѣяго анекдота на свой счетъ!

Лико.

25 го ноября въ Маломъ залѣ Консерваторіи состоится третій въ этомъ сезонѣ, концертъ баритона А. Н. Карганова. Кромѣ г. Карганова въ концертѣ принимаютъ участіе: Е. Б. Вильбушевичъ, Г. Я. Заславскій, В. В. Юрѣва-Смѣльская и Н. П. Семновъ.

Первые два концерта А. Н. Карганова прошли съ большимъ художественнымъ и матеріальнымъ успѣхомъ.

Великимъ постомъ въ театрѣ „Пасажъ“ будетъ подвизаться украинская труппа подъ управленіемъ А. Л. Суходольскаго.

— Въ Великопостномъ сезонѣ въ „Невскомъ Фарсѣ“ (театръ Елпѣева) предполагаются спектакли вновь образующагося товарищества опереточныхъ артистовъ. Въ товариществѣ принимаетъ участіе также и г. Казанскій, очень сочувственно отнесшійся къ новому предпріятію и на льготныхъ условіяхъ сдавшій свой театр. Въ составѣ труппы называютъ лучшихъ петербургскихъ и провинціальныхъ артистовъ.

Артисты «Невскаго Фарса» для Великопостнаго сезона также образуютъ товарищество во главѣ съ г.г. Разсудовымъ и Вадимовымъ для поѣздки по Россіи. Главную надежду возлагаютъ на «Амуръ и К^о».

— 30 ноября исполнится 25-лѣтіе артистической дѣятельности извѣстной исполнительницы малороссійскаго репертуара М. К. Заньковецкой.

— Въ помѣщеніи Новаго Театра (Мойка 61) 7-го декабря начнутся спектакли Стариннаго

театра: «Два вечера изъ эпохи среднихъ вѣковъ».

Въ составѣ труппы вошли: Г-жи М. И. Берсенева, П. И. Бутковская. З. А. Дмитренко, Е. К. Дукшинская, Е. Г. Зотова, М. А. Лорекъ, М. Н. Пигноти, М. А. Риглеръ, В. А. Щеголева, К. К. Ястрежембецъ, г.г. М. П. Альминскій, И. М. Березняковъ, В. О. Вреденъ, В. Н. Виташевъ, Д. С. Валентиновъ, А. Н. Григорьевъ, Ф. Ф. Дальвенъ, Г. Г. Енелевъ, Б. Х. Костальскій, В. П. Квятковский, Ф. И. Курхинъ, К. М. Мишевскій, П. Э. Налобинъ, П. И. Орловъ, С. П. Перелыгинъ, С. М. Пелцерь, И. М. Свободинъ, Н. С. Славскій, П. П. Сазоновъ и др.

Въ I-й вечеръ ставятся пьесы, относящіяся къ XI и XIII вѣкамъ: «Три волхва», «Дѣйство о Теофилѣ» и «Игра о Робертѣ и Мариопѣ»; во II-й фарсы XIV и XV в.: О чанѣ, О шляпѣ Рогачѣ, Нынѣшніе братья и Уличный театр XIV вѣка.

Постановками пьесъ руководятъ: М. Н. Бурпашевъ, бар. Н. В. Дризентъ, П. Н. Евренновъ и А. А. Санинъ.

Музыкальная часть находится подъ вѣдѣніемъ проф. А. К. Глазунова, Л. А. Сакетти, И. А. Сацъ (Моск.-Худ. Театра) и прив.-доц. В. О. Шишмарева.

Общее завѣдываніе режиссерской частью въ рукахъ А. А. Санина и помощника его А. П. Крыжова.

Спектакли будутъ идти абонементомъ: первый абонементъ 7-го и 10-го, второй 8-го и 11-го декабря.

— 16 ноября въ Москвѣ назначена продажа театра Омона «Буффъ», оцененнаго въ 476,000 р. Главными конкурентами являются петербургскій антрепренеръ Тумпаковъ и московскіе г.г. Зиминъ и Кожевниковъ.

— Въ понедѣльникъ, 26-го ноября, въ бенефисъ артиста театра «Буффъ» г. Михайлова

Карль Осиповичъ Гвиди.

идетъ новое одноактное „обозрѣніе“ написанное С. П. Спиро: „Петербургскіе силуэты“. «Обозрѣніе» составлено очень умѣло и, благодаря популярнымъ и любимымъ мотивамъ, взятымъ въ большинствѣ изъ «Торреадора», смотрится легко и съ удовольствіемъ. Наиболее интересно явленіе, во время котораго на сценѣ появляется автомобиль съ купцомъ, дамой подругой и шофферомъ. Не обошелся, конечно, авторъ и безъ традиціоннаго №—ра всѣхъ «обозрѣній» — г-на Мейерхольда. Фигурируетъ и Ѳ. И. Шаляпинъ.

— К. О. Гвиди, по примѣру прежнихъ лѣтъ, открываетъ сезонъ Итальянской оперы въ Маломъ театрѣ. Кромѣ нашихъ старыхъ знакомыхъ, Лины Кавальери, Ансельми, Баттистини и Арнольдсонъ выступить г-жа Розина Сторкіо, которая за послѣднее время пользуется небывалымъ успѣхомъ на лучшихъ заграничныхъ сценахъ, поражая слушателей замѣчательнымъ драматическимъ талантомъ. Выступаетъ также новый баритонъ г-нъ Нанп, который, какъ передаютъ, красотой своего тембра затмилъ даже Титто Руффо.

— 6-го января 1908 г. въ залѣ Благороднаго Собранія артистомъ театра „Невскій Фарсъ“, И. М. Мишинымъ, устраивается съ благотворительной цѣлью грандіозный художественный вечеръ и балъ-маскарадъ, на которомъ состоятся всевозможные конкурсы съ преміями, сюрпризы и т. п. Вечеръ обѣщаетъ быть очень интереснымъ въ виду того, что „конкурсы“ будутъ очень оригинальными и до поры составляютъ секретъ устроителя, И. М. Мишина. Послѣ концерта, на которомъ выступятъ лучшія артистическія силы, состоятся танцы, баталія цвѣтовъ, серпантинъ, конфетти и масса сюрпризовъ для публики.

— 1-го декабря въ Екатерининскомъ театрѣ справляетъ свой бенефисъ талантливая премьерша труппы, пѣвица Риза Фердинандовна Нордштрёмъ.

Недурные порядки царятъ въ нѣкоторыхъ нашихъ театрахъ. Г. Казанскій, антрепренеръ „Невскаго Фарса“ имѣетъ также кинематографъ подъ громкимъ названіемъ „Театръ Модернъ“. Въ этомъ

театрѣ для достиженія большій иллюзіи во время демонстраціи картинъ производится шумъ „за сценой“, выражающійся въ битіи посуды, автомобильныхъ гудкахъ, велосипедныхъ звонкахъ и т. д. Изъ-за экомоміи или изъ-за какихъ-либо другихъ причинъ г. Казанскій командируетъ для этого актеровъ „Фарса“, не занятыхъ въ идущемъ ежедневно „Амурѣ и Кѡ“.

Протесты командирруемыхъ ни къ чему не ведутъ. г. Казанскій на это заявляетъ: „Разъ вы свободны, я могу вами распоряжаться, какъ хочу“. По этому поводу за кулисами „Фарса“, шутятъ, что г. Казанскій на-дняхъ предполагаетъ открыть ледяной катокъ на Фонтанкѣ и главную работу возложить на г. Юренева, какъ на артиста не играющаго въ „Амурѣ и Кѡ“ и поэтому „даромъ“ получающаго жалованье.

Марія Кантони. Скромная, никому новѣдомая, Марія Кантони за послѣдніе два года обратила на себя вниманіе всей музыкальной Европы.

Марія Кантони родилась въ Италіи, въ г. Миланѣ, въ 1887 г. Уже въ дѣтскихъ годахъ она обратила вниманіе своимъ феноменальнымъ голосомъ. Ея учитель былъ знаменитый профессоръ Calleri-Viviani. Впервые Марія Кантони дебютировала въ 1903 г. въ Ниццѣ, шестнадцатилѣтней дѣвушкой въ оперѣ „Трабадуръ“ и сразу, съ тѣхъ поръ завоевала себѣ имя въ средѣ выдающихся знаменитостей. Затѣмъ мы уже встрѣчаемъ Марію Кантони въ другихъ столицахъ Европы выступающей въ операхъ: „Мефистофель“ (Маргарита), „Порча“, „Тоска“, „Джиаконда“ и мн. др.

Ея чудное пѣніе, горячій темпераментъ и страстность, чарующая обаятельность и красота, художественное и оригинальное исполненіе—все это вмѣстѣ производитъ потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ слушателей.

Марія Кантони представляетъ собой нѣчто особое, выдающееся, отличное среди прочихъ знаменитостей: у нея во всемъ чувствуется «искра Божья», именно то, что такъ не многимъ достается въ даръ.

Въ маѣ мѣсяцъ этого года Марія Кантони пѣла въ Парижѣ съ колоссальнымъ успѣхомъ. Ее, между прочимъ, слушали: Адельна Патти, Марчелла Зембрихъ, знаменитѣйшій пианистъ Юлиусъ Гофманъ, знаменитый скрипачъ Сарасате, а также теоръ Карузо, слышавшій ее въ Берлигѣ, пришелъ въ неописуемый восторгъ. Г-жа Кантони получаетъ по 10 тысячъ франковъ за выходъ.

— 13 ноября опубликованъ приказъ с.-петербургскаго градоначальника о воспрещеніи содержателямъ гостинницъ, меблированныхъ комнатъ и т. п. помѣщеній, сдаваемыхъ въ наймы, допускать малолѣтнихъ дѣвочекъ, являющихся въ эти заведенія для непотребства, подъ угрозой взысканія до 500 р. или ареста до 3 мѣсяцевъ. Было бы въ высшей степени желательно, чтобы исполнители этого симпатичнаго приказа понимали въ нѣкоторыхъ случаяхъ рубрику подобнаго рода заведеній болѣе широко. Развѣ отдѣльный кабинетъ не есть помѣщеніе, сдаваемое въ наймы, иногда безплатно, а иногда и за извѣстную доплату къ прейсъ-курвнымъ цѣнамъ?

Артисты А. А. Смолина и Н. Е. Кубавскій, игравшіе долгое время съ успѣхомъ въ петербургскихъ опереточныхъ театрахъ подписали контрактъ въ труппу Крылова въ Ростовъ на Дону, куда на-дняхъ выѣзжаютъ Первый выходъ артистовъ состоится въ „Веселой Вдовѣ“.

Какъ злобозвѣстную „новость“ передаемъ слухъ: г-жа Шувалова поссорилась съ г-жей Ваглановой. Многому въ этомъ отношеніи посодѣйствовалъ прис. пов. г. А.—онъ. „Разрывъ“ благотворно отозвался на г-жѣ Шуваловой.

Къ инциденту съ Полонскимъ. Намъ рассказали, что г. Полонскій извѣстенъ своими «интригами» въ театральномъ средѣ.

Въ прошломъ году г. Полонскій настоятельно требовалъ отъ П. В. Тумпакова ухода З. Ф. Бауеръ. Когда это дошло до свѣдѣнія артистки, А. С. Полонскій клялся, что не говорилъ ничего подобнаго.

«Плюньте мнѣ въ лицо, если это правда» — говорилъ Полонскій.

Фраза эта сдѣлалась для г. Полонскаго классической.

«Плюньте мнѣ въ лицо, если я уйду отъ васъ» — говорилъ г. Полонскій А. Б. Вилинскому за два дня до ухода изъ его труппы—и спокойно перешелъ къ Тумпакову.

Г. Полонскій рискуетъ дожидаться, что кто-нибудь приведетъ его фразу въ исполненіе...

Театральное эхо.

Михайловскій театр.

Давно не приходилось видѣть въ Михайловскомъ театрѣ столь интересно и живо написанной пьесы, какъ комедія Гиша и Гѣза „Chacun sa vie“. Тема вѣчно новая и вѣчно интересная.—„Каждый своею дорогою“,—должно было бы быть девизомъ всякаго человѣка, а между тѣмъ люди связаны по рукамъ и ногамъ традиціями, предрассудками. Въ комедіи Гиша мы встрѣчаемся съ человѣкомъ честнымъ, порядочнымъ и съ извѣстными принципами: его основная точка зрѣнія, что каждый долженъ жить не мѣшая жить и другимъ. Человѣкъ не имѣетъ права падать духомъ и унывать, когда у него есть широкое поле дѣятельности и умственная работа. Герой пьесы Дюкло прекрасно видитъ, что его жена равнодушна къ нему: когда-то онъ страстно любилъ ее, но хорошо постигнувъ ея пустую вѣтрвенную натуру мало-по-малу охладѣлъ къ ней и отдается всецѣло дѣламъ.

Зная, что его жена не вѣрна ему, онъ помнилъ и съ этимъ, лишь бы она не афишировалась. По вѣтъ Дюкло встрѣчается на жизненномъ пути чистую, честную и энергичную дѣвушку, она служитъ у него въ конторѣ. Дюкло заинтересовывается дѣвушкой и съ грустью замѣчаетъ, что она равнодушна къ графу Дорвану, поклоннику его жены, и своему другу дѣтства, мать котораго воспитала ее. Дюкло открываетъ ей глаза. Въ горячемъ объясненіи съ дѣвушкой Дюкло совѣтуетъ ей не надѣяться на взаимность и забыть графа, — „человѣкъ не имѣетъ права падать духомъ“ — говоритъ онъ ей, а долженъ искать утѣшенія и забвенья въ работѣ, и тогда со многимъ можно мириться.

Когда Дюкло замѣчаетъ, что симпатія его къ Полинѣ переходитъ въ любовь онъ рѣшаетъ сбросить съ себя оковы и предлагаетъ женѣ разводъ, на который она съ радостью соглашается, твердо увѣренная, что графъ женится на ней, но онъ считаетъ себя не въ правѣ дать свое имя разведенной женѣ. По традиціямъ его семьи, это немислимо. Слѣтъ одобряетъ и поощряетъ связь съ замужнею женщиною, но не женитьбу на скомпрометированной имъ же женщинѣ. Въ крайне интересномъ объясненіи мужа и любовника, графъ заявляетъ, что онъ, какъ человѣкъ религіозный считаетъ бракъ не освященный церковью, кощунствомъ, на что Дюкло отвѣчаетъ ему то-ою заповѣдью. Наконецъ, возмущенный сухостью и эгоизмомъ графа, Дюкло заявляетъ ему, что онъ не броситъ жены, несмотря на то, что пересталъ ее любить, потому что не хочетъ, чтобы она принадлежала графу иначе какъ по закону и что ради этого онъ вторично разобьетъ свою жизнь, отказавшись отъ личнаго счастья. Графъ тронутый порывомъ Дюкло, увлеченный его краснорѣчіемъ, рѣшается жениться на Генриеттѣ.

Главную роль Дюкло игралъ съ присущимъ ему талантомъ г. Кемми; своею глубоко-обдумавной, художественною игрою онъ произвелъ сильное впечатлѣніе.

О госпожѣ Дерваль, игравшей роль его жены можно лишь сказать, что это благодарный манекенъ для туалетовъ, хотя ея шляпа настолько велика, что напоминаетъ клумбу. Исполненіе же ея благодарной роли пустой, тщеславной кокетки совершенно не удалось ей, неясная дикція на распѣвъ, не всегда кстати некрасиво звучащій смѣхъ, полное отсутствіе таланта заставило пожалѣть, что мы не видѣли въ этой роли госпожу Готье. Клодъ Гарри и г-жа Мери оказались хорошими партнерами г. Кемми, оба играли прекрасно. Гарри далъ типъ избалованнаго, гордаго аристократа, придающаго много значенія мнѣнію общества, а г-жа Мери трогательно и съ душою сыграла роль Полины.

Голосъ изъ публики.

По Россіи.

Екатеринославъ.

(Отъ нашего корреспондента).

13-го ноября въ зимнемъ театрѣ начались спектакли извѣстной итальянской оперы Ю. Кастеллано, въ составъ которой входятъ: г-да А. Модести

Евгеній Онѣгинъ, Кармень, Богема, Эрнани, Демонъ Манонъ.

Открылись спектакли оперой Верди „Аида“. Театръ былъ полонъ. Спектакль прошелъ вполне удачно. Безукоризненно хорошъ оркестръ, хоръ въ большинствѣ и главные исполнители, какъ г. Модести, въ роли Амонасро, обладающій красивымъ и звучнымъ баритономъ. Публика устраивала ему шумныя оваціи. И какъ артистъ и какъ пѣвецъ г. Модести заслуживаетъ особаго вниманія. Хороша

подобна и по требованію публики ей приходилось биссировать арію во второмъ актѣ два раза. Синагра въ роли „Каварадосси“ былъ не дурень, г. Модести въ роли „Скарпіо“ какъ и надо было ожидать былъ превосходенъ, хотя эта партія не давала возможности артисту развернуть свои силы. Отмѣчаю хорошее исполненіе въ „Баль-Маскарадѣ“, „Фаустѣ“ и „Сельской чести“ своихъ ролей г-жей Скальфаро... Удовлетворительными исполнителями являются г-жа Завнеръ и г-да Помпа, Вит-

Марія Кантони.

Къ предстоящему концерту 30-го ноября.

(баритонъ), Ю. Дови (теноръ), С. Джіордано (теноръ), П. Синагра (теноръ), Сая (теноръ), И. Помпа (теноръ), Ф. Веккioni (басъ), Виттори (басъ), г-жи: Де-Рома (сопрано), С. Рубини (сопрано), Скальфаро (сопрано), Завнеръ (сопрано), Гаретта Кастеллано (меццо-сопрано), Гараньяни (сопрано) и друг.

Объявленъ слѣдующій репертуаръ: Аида, Фаустъ Тоска, Баль-Маскарадъ, Трубадуръ, Травіата, Риголлетто, Федора, Джакоња, Гуеноты, Паяцы, Сельская честь, Севильскій цирюльникъ, Буттерфлей,

была исполнительница главной роли г-жа Рубини, у которой красивое піано и хорошіе верхи. Недурно провелъ свою партію г. Дови въ роли Радомеса.

Пальма первевства въ женскихъ роляхъ принадлежитъ г-жѣ Де-Рома примадоннѣ Неаполитанскаго театра „Санъ-Карло“. Она обладаетъ красивымъ и пріятнымъ лирическимъ сопрано и безусловно заслуживаетъ большихъ похвалъ. Г-жа Де-Рома въ оперѣ „Тоска“ въ роли своей была без-

тори и Джіордано. Остальные поддерживаютъ ансамбль.

На дняхъ идетъ русская опера „Евгеній Онѣгинъ“ при участіи артистки г-жи Марии Бріанъ. 14-го была представлена опера „Кармень“, въ главной роли которой выступила въ первый разъ Гаретта Кастеллано. Общее впечатлѣніе безусловно въ пользу итальянскихъ гостей. Сборы ежедневно полные.

И. А. Сокольскій.

СЦЕНА И ЖИЗНЬ.

МАЛАЯ СЦЕНА

Статьи и замѣтки общаго характера.—Рецензіи и отзывы.—Портреты и біографіи.—Смѣсь: анекдоты, шутки, куплеты, пародіи, афоризмы и пр.—Столичная хроника. Провинціальная хроника.—Справочный отдѣлъ (столичные кафе-концерты, Варьетэ и клубныя сцены, ихъ программы и краткія либретто, спросъ и предложеніе апаже-мента, некрологи и т. п.). — Почтовый ящикъ.

Наша задача.

Пазначеніе отдѣла „Малая Сцена“—быть безпристрастнымъ органомъ—выразителемъ нуждъ разбросанныхъ по всей Россіи театровъ Варьетэ, цирковъ, кафе-концертовъ и клубныхъ сценъ, а также давать на своихъ столбцахъ добросовѣстный ихъ обзоръ и отмѣчать всякое новое въ ихъ жизни явленіе.

Задача наша на первый взглядъ неблагоприятна. Старый предразсудокъ заставляетъ общество, а за нимъ и выразительницу общественнаго мнѣнія—прессу, относиться къ этой отрасли сценическаго искусства съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ, благодаря которому наша печать обходитъ презрительнымъ молчаніемъ жизнь такъ называемой „Малой Сцены“.

Между тѣмъ и этотъ міръ имѣетъ право на долю извѣстнаго къ себѣ уваженія. „Кумаръ поверженный все-жъ Богъ“—и артистъ, выступающій на подмосткахъ кафешантана даже, все же артистъ, разъ онъ обладаетъ искоркой дарованія. Къ тому же, малая сцена являея тѣмъ силой и ряномъ переходной ступенію къ храму Мельпомены во всемъ ея величіи. Предубѣжденіе, о которомъ мы говоримъ, является лишь пережиткомъ сѣдой старины, когда каждаго артиста, даже составившаго красоту и гордость образцовой сцены, презрительно называли актеромъ, звали по имени только и дальше передней не пускали. Теперь оно держится благодаря ложному взгляду на учрежденія, культивирующія легкій жанръ, и ошибочнымъ обобщеніемъ изъ отдѣльных фактовъ, которые очень часто имѣютъ мѣсто и на большой сценѣ, но тамъ не замѣтны по поспѣвности: „quid pop licet bovi, licet jovi“.

Задача неблагоприятна потому, что попытка къ ея осуществленію, несомнѣнно, будетъ встрѣчена съ недовѣріемъ какъ обществомъ, такъ и его отголоскомъ—т. наз. большій прессой, но она окажется благодарной, если намъ удастся ее осуществить, удастся разбить ложное предубѣжденіе, но одновременно и разграничить строго въ области малой сцены истинное искусство отъ стремленія угодить низменнымъ вкусамъ публики.

Въ полной готовности и къ нападкамъ и къ сочувствію вступаемъ мы съ первымъ номеромъ „Сцены и жизни“ въ борьбу за лучшее отношеніе общества къ малой сценѣ, которую мы понимаемъ широко, разумѣя подъ ней не только артистическій міръ, но и все, имѣющее хотя бы отдаленно отношеніе къ сценическому искусству, что не находить себѣ, однако, по вышеуказаннымъ условіямъ, отклика на столбцахъ повседневной печати.

Открытие Санъ-Ремо.

11 ноября въ Новой Деревнѣ у Строганова моста возродился, уютный загородный уголокъ на томъ мѣстѣ, которое 15 лѣтъ тому назадъ служило магнитомъ для фешенебельной публики Петербурга, — открылся новый кафе-кон-

цертъ «Санъ - Ремо». Существенное отличие новаго кафе отъ бывшей на этомъ мѣстѣ «Аркадіи», — строгій разборъ публики, которая на открытіи почти вся состояла изъ habitués Крестовскаго и Акваріума. За характеръ увеселеній говоритъ уже то, что режиссерская часть находится въ рукахъ стараго любимца петербургской публики, извѣстнаго драматическаго и опереточнаго артиста С. И. Шагова. Программа включаетъ нѣсколько блестящихъ именъ изъ стараго, времени. Истамнова, Крестовскаго сада, и массу новыхъ номедовъ нѣмецкихъ, французскихъ и русскихъ шансонетныхъ пѣвицъ и хоровъ. Помѣщеніе зала и кабинеты заново роскошно отдѣланы.

Театръ-концертъ „Аполло“.

Четвертый сезонъ этого фешенебельнаго театръ-концерта продолжаетъ пользоваться неизмѣнными симпатіями публики. Программа его составляетъ весьма интересно. Среди артистовъ встрѣчаются имена: M-selle Алексія—по тоянной любимицы петербургской публики, m-lle Florence Delyeres, дуэтисты Darlys Jana и мног. друг. Чѣмъ страдаетъ „Аполло“, да и всѣ почти столичные кафе-концерты,—это цыганскими, малороссійскими и русскими хорами. Всѣ эти, такъ называемыя, „капеллы“ такъ надоѣли, такъ „набили оскомину“, что приходится удивляться, какъ до сихъ поръ дирекція „Аполло“ не отказалась отъ услугъ „рабынь неселья“, находящихся въ кабаль у всевозможныхъ „шантаныхъ акулъ“, вроде г-жи Евгеньевой, Балнокиной, г-на Козловскаго и другихъ.

К.

Концертный залъ „Варьетэ“.

Что всего удивительнѣе, концертный залъ „Варьетэ“ начинаетъ снова понемногу завоевывать бывшія симпатіи приличной публики. Очень недурно составленная программа останавливаетъ на себѣ вниманіе. Недурна пѣвица m-selle Аризонъ съ дрессированными голубями; хороша пѣвица г-жа Вероли.

Г-жи Завадская и Васильева сильно надоѣли своимъ „репертуаромъ“, который успѣлъ постарѣть такъ, какъ и онѣ сами. Куплетисты гг. Жуковъ и Смирновъ хотя и пользуются симпатіями публики, но рискуютъ... „пріѣтаться“. Немѣшаетъ время отъ времени обновлять свой репертуаръ тѣмъ болѣе, что новинокъ—хоть отбавляй. Въ примѣръ имъ ставимъ г. Сарматова, который никогда не надоѣстъ публикѣ своими куплетами благодаря тому, что умѣло обновляетъ ихъ. Какъ исполнители

гг. Жуковъ и Смирновъ (въ особенности послѣдній)—очень недурны. „Неизмѣнная“ содержательница хора (цыганско-малороссійскаго?!!) — г-жа Евгеньева по прежнему не стѣсняется выступать во главѣ своей „капеллы“.

Ранскій.

Театральный Кружокъ.

— Маскарады устраиваемые Театральнымъ кружкомъ на Серпуховской пользуются вниманіемъ извѣстной части публики. Иногда встрѣчаются интересные костюмы, за которые присуждаются цѣнные призы.

Небольшія пьески, разыгрываемыя при участіи г-жи Рене и г-на Сурина пользуются неизмѣннымъ успѣхомъ.

Въ концертномъ отдѣленіи весьма хороша г-жа Рыбакова, превосходенъ г-нъ Арсиковъ и нигде не годится г-жа Журавская съ ея далеко недвусмысленными куплетами и таковыми же тѣлодвиженіями въ танцахъ.

Успѣхъ этой пѣвицы, (а таковой имѣется), объясняется именно ея куплетами и танцами, вся цѣль которыхъ—дѣйствовать на низменные инстинкты публики.

Въ общемъ въ „Театральномъ Кружкѣ“ довольно весело и было-бы пріятно провести тамъ вечеръ, если-бы, конечно, не было кинематографа, который производитъ самое удручающее впечатлѣніе.

Евг. Арн.

— Отмѣчаемъ новый способъ страхованія почитателей отъ приписыванія официантовъ къ счетамъ. Во вновь открытомъ кафе-концертѣ „Санъ-Ремо“, въ Новой Деревнѣ администрація отчисляетъ въ пользу официанта 10% со счета по обычнымъ прейсъ-кураннымъ цѣнамъ, зато воспрещаетъ ему приписывать хотя бы 10 к., подъ угрозой штрафа въ 500 р. Официанты обязались круговой порукой по пяти человѣкъ.

Кинографоманія.

Текущій сезонъ перенесъ на петербургскую почву съ западной Европы, въ частности изъ Парижа, двѣ новыя болѣзни, которые не замедлили распространиться съ чисто эпидемической поспѣшностью.—мы говоримъ о «кофейноманіи» и «кинографоманіи».

Въ короткое время наша главная артерія — Невскій покрылся безчисленнымъ множествомъ кафе и кофейнь, кинематографическихъ „театровъ“ и „киосковъ“. Оговариваемся, что въ принципѣ мы отнюдь не противъ тѣхъ или др. ихъ, и болѣзненнымъ мы считаемъ не самую ихъ идею, которая по нашему мнѣнію заслуживаетъ широкаго поощренія, а лишь характеръ и способъ ихъ культивированія, принявшіе у насъ уродливыя формы и вызвавшіе

уже не мало насмѣшек на столбахъ ежедневной прессы.

Что касается кафе, большинство изъ нихъ (за немногими исключеніями, приводить которыя сейчасъ не позволяеть намъ недостатокъ мѣста) не замедлили пріобрѣсти себѣ сомнительную репутацію и ознаменовали первый же мѣсяцъ своего существованія скандалами. Такой характеръ учреждений подобнаго рода можетъ найти себѣ откликъ развѣ только въ хроникѣ происшествій, и насъ мало интересуетъ, тѣмъ болѣе, что въ противоположность иностраннымъ прототипамъ, ни одинъ изъ нихъ не обладаетъ концертной вострой. Единственнымъ исключеніемъ въ данномъ случаѣ является знаменитое кафе Рейтера. Въ немъ нѣтъ вострой, зато есть нѣчто болѣе цѣнное—постоянная артистическая среда для которой кафе Рейтеръ является любимымъ уголкомъ, гдѣ артистъ можетъ встрѣтиться или съ антрепренеромъ или съ собратомъ по искусству и поболтать съ ними за чашкой кофе, не рискуя быть свидѣтелемъ какого либо инцидента благодаря строго семейному характеру кафе.

Живая фотография, наоборотъ, имѣетъ близкое отношеніе къ сценическому искусству, не говоря о томъ, что она сама представляетъ собой извѣстное искусство. Снимки посредствомъ кинематографа замечательнѣе на всегда не только извѣстныя событія, но и даютъ возможность демонстрировать на экранѣ сложные сюжеты, до крупныхъ сценъ кинѣ произведений включительно, и если театр—школа, то живая фотография—наглядное пособие къ изученію предметовъ и явленій. Въ соединеніи съ граммофономъ, конечно не нынѣшнемъ, которое вызываетъ только улыбку у притязательнаго зрителя, а идеальномъ, живой фотографии предостойтъ великая будущность.

Съ этой точки зрѣнія нельзя конечно не пожелать живой фотографии возможно широкаго пространства. Но излишество вредно всегда и во всемъ—тоже можно сказать и по отношенію къ увлеченію живой фотографіей. Мы готовы приветствовать замѣну любительскихъ фотографическихъ камеръ кинематографическими аппаратами, готовы отдать должное энергіи и настойчивости тѣхъ демонстраторовъ, которые одновременно съ коммерческой цѣлью имѣютъ и другую—научную, все равно относительную или непосредственную, но мы противъ эксплуатированія живой фотографии лицами, никакого отношенія къ этому искусству не имѣющими и заставляющими вспомнить мудрую поговорку: „бѣда, коль пироги начнетъ печь сапожникъ“.

Посмотримъ, во что выродилось это внезапное увлеченіе. На каждые то шагоны по Невскому проспекту бросается въ глаза аляповатая кричащая вывѣска, освѣщенная электрическими лампочками: „Какъ въ Ниццѣ!“ кричитъ одна, „какъ въ Парижѣ!“—отвѣчаетъ другая. Невольно ищешь глазами вывѣску, которая гласила бы „лучшій театръ на Невскомъ“. Такой еще нѣтъ, но навѣрно скоро появится.

Войдите внутрь любого изъ этихъ quasi-театровъ. Крошечное помѣщеніе, невозможная духота и отсутствіе вентиляціи—первое, что вамъ, бросятся въ глаза. Въ зрительной „залѣ“ черезъ часть ваши глаза отказываются служить. Непрерывное мельканіе и колебаніе напряженности тока приводятъ къ тому, что по выходѣ на улицу вы въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ ничего не видите. Такое разрушающее влияние на зрѣтельную оболочку глаза объясняется очень просто тѣмъ, что г.г. демонстраторы, устраивая ежечасные сеансы, экономятъ на электрической энергіи. Главный контингентъ посѣтителей этихъ „театровъ“ состоитъ между тѣмъ изъ лицъ, занятыхъ дневной службой,—мелкихъ служащихъ, ремесленниковъ и т. п., глаза которыхъ и за день то утомляются болѣе чѣмъ достаточно, чѣмъ и объясняется официально засвидѣтельствованное развитіе у насъ глазныхъ болѣзней. Ко всему этому необходимо прибавить возможность схватить жестокою простуду, благодаря отсутствію примитивныхъ удобствъ при раздѣваніи.

Переходя къ самимъ картинамъ, слѣдуетъ отмѣтить, что программы этихъ „театровъ“ ничего общаго не имѣютъ ни съ наукой, ни съ искусствомъ и лишены нетребовательнаго художественнаго вкуса. Подборъ картинъ случайный, рассчитанный нерѣдко на извѣстные вкусы публики и притомъ безъ всякой системы. Картины въ большинствѣ случаевъ постоянно однѣ и тѣ же, переключающіяся изъ одного „театра“ въ другой. Большинство изъ нихъ при этомъ принадлежитъ чуть ли не къ первой эпохѣ живой фотографии.

Про сочетание граммофона съ кинематографомъ много распространяться неприходится: вмѣсто эстетическаго удовольствія зритель испытываетъ только раздраженіе при крикѣ и визгѣ граммофона отъ тренія иглы, очевидно рѣдко перемѣняемой опять таки въ видахъ экономіи.

„Нѣтъ правила безъ исключенія“, говоритъ половица, примѣняемая и въ данномъ случаѣ. Жем-

чужныя зерна есть, но пока публика отыщетъ ихъ, она должна перебивать, если никто не придетъ ей на помощь, во всѣхъ театрахъ и кіоскахъ, что, при нынѣшнемъ ихъ количествѣ въ 20 слишкомъ, сопряжено съ потейей массы времени и средствъ.

Столичная пресса обходитъ, къ сожалѣнію, живую фотографию молчаніемъ, не считаясь съ ея огромнымъ значеніемъ. Въ нашемъ журналѣ этотъ пробѣлъ будетъ восполненъ по мѣрѣ возможности.

Къ обзорѣ столичныхъ театровъ живой фотографии, съ ихъ характеристикой, мы приступимъ со слѣдующаго номера журнала.

Киннографофиль.

На кустарной выставкѣ.

Открывая въ прошломъ мѣсяцѣ на Невскомъ проспектѣ полъ громкимъ названіемъ „всероссійской“ кустарная выставка, о которой въ свое время стольная печать обмолвилась нѣсколькими словами, на ряду съ положительной стороной имѣетъ массу отрицательныхъ, къ сожалѣнію обойденныхъ молчаніемъ въ той части нашей прессы, которая до рождаетъ лишнимъ объявленіемъ. Только „Русь“ и „Новое Времѣ“ отдали должное quasi художественности незатѣйливыхъ произведеній, которыми заполнена вся выставка за рѣзкими исключеніями, о которыхъ мы скажемъ въ свое время. Только эти газеты подчеркнули удивительную дороговизну всѣхъ экспонатовъ, легко объяснимую, если принять во вниманіе, что владельцами „кустарныхъ“ витринъ и кіосковъ являются не сами кустари, какъ это думаетъ большинство привыкшихъ принимать на вѣру всякій плакатъ посѣтителей, а только коммисіонеры, пользующіеся удобнымъ случаемъ за спиной нашего кустаря нажить по рублю на каждую заработанную имъ подъ игомъ нужды трудовую копейку. Только одна „Русь“ обратила вниманіе на сравнительную высокую плату за кинематографическія картины, если принять во вниманіе 25 000 субсидіи, выданной на устройство выставки. Зато почти во всѣ газеты отмѣтили единственную положительную сторону предпріятія.— что часть сбора пойдетъ на помощь голодающимъ крестьянамъ, умолчавъ скромно о размѣрахъ этой части.

Sapienti sat. Рамки нашего изданія не позволяютъ намъ удѣлить подробному обзору выставки, къ которому мы вернемся въ ближайшихъ номерахъ журнала, обстоятельную статью, которая вынесла бы нашимъ читателямъ не показную, а обратную сторону медали; недостатокъ мѣста заставляетъ насъ ограничиться лишь обзоромъ вскользь непосредственно входящей въ кругъ нашей компетенціи увеселительной части выставки.

Вся увеселительная часть находится въ рукахъ извѣстнаго въ Петербургѣ артиста-режиссера В. М. Янова и проектирована въ народно-бытовомъ духѣ,—такъ гласитъ афиша, въ которой, сообразно съ этимъ, мы находимъ гармонистовъ, гусяровъ, жалѣйщиковъ, слѣлого бандуриста и т. п. Наряду съ этимъ администрація, желая угодить очевидно на всѣ вкусы сразу, выпускаетъ исполнителя на цимбалахъ еврейскихъ мелодій г. Меньянскаго, и проектируетъ приглашеніе въ недалекомъ будущемъ свѣтить опереточнаго мірка,—составъ, для всероссійской кустарной выставки какъ будто неподходящій.

Какъ видно, программа не блещетъ разнообразіемъ номеровъ, но это обстоятельство могло бы быть искуплено качествомъ ихъ, но и этого сказать нельзя. Все это довольно заурядно, и ни какой новинки для столичной публики, переслушавшей въ лѣтнихъ садахъ и на зимнихъ концертахъ множество подобныхъ номеровъ, не представляетъ.

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить удивительной тѣсноты концертнаго зала, въ которомъ съ большимъ трудомъ, благодаря массѣ находящихъ тутъ же витринъ и кіосковъ, можетъ помѣститься не болѣе 50 человекъ. Это неудобство вызываетъ справедливыя нареканія публики, ожидающей за 50 к. входной платы не только возможности посматрѣть выставленные изданія, которыми съ большимъ удовольствіемъ можно полюбоваться на бесплатной кустарной выставкѣ-базарѣ въ Соляномъ городкѣ.

Посѣтитель.

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь г. Редакторъ!

Не откажите помѣстить въ уважаемомъ вашемъ журналѣ мое письмо, ярко характеризующее въ обезпеченное и подержанное всевозможными случайностями положеніе небольшого провинціального актера.

25-го августа с. г. въ г. Порховѣ начала сезонъ антреприза г. Высоцкаго. Поставили для открытія пьесу кн. Сумбатова «Соколы и Вороны», давшую сбору 85 рублей. Что ни день, то сборы становились все хуже и хуже. Островскій и Грибодіевъ давали 18 р.—22 рубля на кругъ.

Отношеніе публики къ театру было весьма холодное; молодежь же гарантировала труппѣ сборы, если будутъ поставлены „Ткачи“. Но цѣнзурой пьеса эта не разрѣшена и антрепренеръ рѣшаетъ поставить «Вильгельма Теля».

День 25 октября осянется памятнымъ для изголодавшихся, намучившихся актеровъ города Порхова. Неслыханная до того цифра сбора (325 р.) въ радужныхъ краскахъ мелькала предъ глазами измученныхъ актеровъ. Наконецъ-то будетъ получено жалованье! Наконецъ-то будутъ обѣды, будетъ уплачено за квартиры! Но дѣйствительность показала обратное.

Идетъ первый актъ. Внезапно, гдѣ-то на галеркѣ слышатся звуки „Марсельезы“... Молодежь подхватываетъ ихъ, они растутъ, растутъ и заполняютъ собою театръ, заглушая голоса актеровъ. Исправникъ претупреждаетъ публику, что закроетъ театръ, актеры со сцены умоляютъ публику не срывать дѣла, но публика не унимается. Во второмъ актѣ—«Варшавянка».

Телеграммой спрашивается губернаторъ, и послѣдній отдаетъ распоряженіе закрыть театръ. Пьеса не могла быть доведена до конца. Публика исчезла изъ театра, а вмѣстѣ съ нею исчезъ и антрепренеръ, г. Высоцкій, захватившій съ собою и 325 рублей сбора.

Труппа осталась безъ всего. Нѣсколько телеграммъ въ Театральное Общество остались безъ отвѣта. Кое-какъ съ разбѣхались по провинціи, частью же въ Москву.

Съ этого момента начинаются мои мытарства, грустное повѣствованіе о которыхъ и составляетъ главную цѣль моего письма.

Кое-какъ разлобившись проезднымъ билетомъ до Царскаго Села, гдѣ на вокзалѣ я оставилъ болѣзненную жену, я пѣшкомъ направился въ Петербургъ.

Явился въ Театральное Общество къ г. Витарскому, который съ оборотительной любезностью выслушалъ меня и съ меньшей любезностью сообщилъ мнѣ, что ходатайство мое отклонено.

«Подождите,—говорилъ онъ мнѣ,—теперь не до Васъ, да и денегъ свободныхъ нѣтъ!»

Ушелъ. Частная благотворительность, къ которой я прибѣгъ какъ къ послѣднему средству, оказалась не отзывчивѣе Театральнаго Общества. Начать я рѣшился съ М. Г. Савиной.

Церброобразный швейцаръ знаменитости не допустилъ меня до лицезрѣнія артистки. Послалъ я ей записку съ изложеніемъ своей просьбы и въ отвѣтъ получилъ конвертъ, на которомъ... было написано:

«Николаевская зг. Театральное Общество.»

Больше—ни слова.

Господинъ Давыдовъ принялъ меня также какъ Савина.

Результаты плачевныя. Единственная надежда моя на васъ, господа члены Русскаго Театральнаго Общества: обратите свое вниманіе на ипавшаго въ нужду товарища; не дайте ему дойти до того, до чего дошелъ Раскольниковъ!

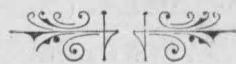
Примите и проч.

Актеръ и помощникъ режиссера

Ф. С. Семеновъ.

Къ свѣдѣнію читателей.

Со слѣдующаго номера журнала „Сцена и Жизнь“ редакция открываетъ въ отдѣлѣ „Малая сцена“ почтовый ящикъ, въ которомъ г.г. подписчики будутъ получать отвѣты на запросы по предметамъ имѣющимъ отношеніе къ отдѣлу „Малой Сцены“.

Редакторъ-Издатель Р. Т. Блохинъ.

Утвержденное Правительствомъ

и

ОБЕЗПЕЧЕННОЕ * * *

*** * * ЗАЛОГОМЪ**

ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКЪ

**— Первое С.-Петербургское —
Театральное Агентство**

В. РЕЙТЕРЪ

Невскій пр., № 50.

Телефонъ № 56—61.

Здѣсь-же КАФЕ

съ обширными художественно отдѣ-
ланными и роскошно обставленными
залами, гдѣ артисты встрѣчаются со
своими collega'ми.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ ТЕАТРАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ
съ программами и либретто-петербургскихъ театровъ:

== ОБОЗРѢНІЕ ТЕАТРОВЪ ==

Редакция и контора: Невскій, 114. Тел. 69-17.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ 10 руб., на полгода 5 руб., на 3 мѣсяца 3 руб., на 1 мѣсяць 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Невскій 114), и по телефону (№ 68-17). Въ послѣднемъ случаѣ за полученіемъ подписной платы посылается артельщикъ конторы.

Объявленія по 30 коп. за строку во пареи.

Въ розничной продажѣ «Обозрѣніе Театровъ» продается по 5 коп. у всѣхъ газетчиковъ и въ кіоскахъ В. А. Пташкова.

БЕРЛИНЪ (ГЕРМАНИИ).

EXPORT-BUREAU

J. FEINSTEIN.

BERLIN N. W. 52.

Thomasius-strasse 14.

Пріемъ подписки и объявленій для
журнала „СЦЕНА и ЖИЗНЬ“.

г. Екатеринославъ.

Н. А. Сокольскій

представитель и корреспондентъ журн.

„Сцена и Жизнь“.

Почтовый ящикъ № 50.

Единственное представительство
ДЛЯ МОСКВЫ.

Продажа, подписка и пріемъ объявленій
ЖУРНАЛА

„СЦЕНА и ЖИЗНЬ“.

Центральная Экспедиція главной
конторы газеты „Русь“, Москва,
Тверская, Казацкій пер., д. Бах-
рушиныхъ. Телефонъ № 107-53.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Невскій 50.

ТЕАТРАЛЬНОЕ БЮРО

В. Рейтеръ.

Представитель журнала
„Сцена и Жизнь“
по отдѣлу театры—Варьетэ,
Кафе-Концерты и Цирки.

АРТИСТИЧЕСКАЯ КОНТОРА

И

АГЕНТСТВО

ДЛЯ РОССИИ И ЗАГРАНИЦЫ

И. П. ЛУПАШКО.

РАЗРѢШЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ
и гарантированное установленнымъ
законнымъ залогомъ.

ВИЛЬНА,
БОТАНИЧЕСКАЯ УЛ., Д. ЧЕРНОВСКАГО.

Представитель журнала „СЦЕНА и ЖИЗНЬ“
для города Вильны и всего Сѣверо-Западнаго края.

BERNARD BRODSKY.

ОДЕССА Отель „Викторія“
ODESSA Hotel „Victoria“.

*Театральный Агентъ для теат-
ровъ Варьетэ, Цирковъ и Кафе-
концертовъ.*

Представитель журнала „СЦЕНА и
ЖИЗНЬ“ для города ОДЕССЫ.

г. **ХАРЬКОВЪ**

Театр. агентъ **В. ФИЛИПСЪ.**

Представит. журн. „Сцена и Жизнь“
для Харькова.

2 годъ
изданія.

Содержитъ ПОДПИСКА
НА 1908 ГОДЪ
НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

2 годъ
изданія.

ДОМАШНІЙ ОЧАГЪ

Заручившись въ прошломъ году со-
чувственнымъ отношеніемъ подписчиковъ, мы рѣ-
шили въ 1908 г. работать съ удвоенной энергіей
и не останавливаться передъ матеріальными затра-
тами, чтобы еще въ большей степени завоевать
расположеніе русской семьи и сдѣлать нашъ жур-
налъ настольной книгой въ каждой семьѣ.

Имѣя въ виду, главнымъ образомъ, интересы
подписчика, заброшеннаго въ глухіе углы, мы не
ограничиваемся чисто практическимъ матеріаломъ,
приложимымъ къ повседневному обиходу совѣтовъ
и указаній, а даемъ въ 1908 г. обширный мате-
ріалъ, состоящій изъ произведеній отечественной
и переводной литературы, статей по воспитанію,
по вопросамъ общественной и индивидуальной
гигіены, обзора печати, шутокъ и шаржей. Въ

1908 г. мы добавляемъ новый отдѣлъ „По бѣлу
свѣту“ гдѣ будетъ помѣщаться обзоръ событийъ
за каждые истекшіе полмѣсяца въ сжатомъ кон-
спективномъ видѣ, но не обходящемъ молчаніемъ
ни одного интереснаго общественнаго явленія.
„Почтовый ящикъ Домашняго Очага“
предоставляется въ исключительное пользованіе
подписчиковъ, для обмѣна собственными наблю-
деніями и мыслями по всѣмъ интересующимъ ихъ
вопросамъ.

Въ виду того, что объемъ журнала значи-
тельно увеличенъ, мы рѣшили отдѣлъ чтенія
для дѣтей и юношества, равно и от-
дѣлъ хозяйственныхъ совѣтовъ давать въ видѣ
ОСОБЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ, которыя бу-
дутъ чередоваться при каждомъ номерѣ.

Оставшіеся въ ограниченномъ количествѣ номера журналы „ДОМАШНІЙ ОЧАГЪ“ за 1907 г., представ-
ляющіе объемистый томъ интереснаго и полезнаго матеріала мы даемъ бесплатно въ видѣ преміи
первымъ 500 подписчикамъ на 1908 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р.
на 1/2 г. — 1 р. 50 к. Безъ дост. на годъ 2 р. 40 к. на 1/2 г. 1 р. 20 к.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Теа-
тральная пл. 4, Тел. 1893.

Редакторъ-Издатель **Ц. Крайневъ.**

3 Р. ВЪ ГОДЪ
съ ДОСТАВКОЙ
и ПЕРЕСЫЛКОЙ.

